

Юлия
Навокова

Побег из сказки

Юлия Валерьевна Набокова

Побег из сказки

Текст предоставлен издательством «Альфа-книга»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=154345

Ю.Набокова Побег из сказки: Армада, Альфа-книга; Москва; 2007

ISBN 5-93556-824-1

Аннотация

Когда серые будни вдруг оборачиваются феерическими приключениями, а жизнь превращается в сказку, не спешите ликовать. Вполне возможно, что уже через пару дней вам захочется из нее сбежать. Вот только выбраться из сказки куда сложнее, чем в нее попасть. Да и знания, почерпнутые из книг, оказываются совершенно бесполезны. Приходится рассчитывать только на свои силы и проявлять чудеса сообразительности. Провести танцевальный мастер-класс для русалок? Нет проблем! Отпиарить продукцию сумасшедшей травницы? Легко! Побывать анти-Золушкой? Предупреждать надо! А все из-за своевольной выпускницы Школы магии, сбежавшей со стажировки в средневековом королевстве и по неосторожности отправившей нашу современницу на свое место. Ах, начинающей волшебнице сейчас тоже несладко приходится? Ну и поделом ей! Будет знать, что с волшебством шутки плохи, а со сказками – тем более.

Содержание

Юлия Набокова

4

Конец ознакомительного фрагмента.

143

Юлия Набокова

Побег из сказки

В средневековом королевстве Кукуй который день бушевали страсти. Крестьяне требовали повышения удоя и увеличения урожая. Аристократы жаждали любовных приключений и богатых невест. Даже король, и тот ожидал появления наследника и жаждал мира с мятежной Ассантой. И всем этим должна была заниматься она, официальная волшебница Кукуя!

– О времена, о нравы! – мрачно изрекла Кларисса, изучая очередь из роскошных карет, крестьянских повозок, породистых лошадей и тощих кляч, выстроившуюся от ворот замка до самого Ясеневого леса. Собравшихся не смущал ни дождь (вопреки чистому небу), зарядивший с утра, ни объявление на воротах, гласившее, что сегодня приема не будет. Народ жаждал чудес и отказывался подчиняться какому-либо расписанию.

– О небеса! – простонала Кларисса, отходя от окна. – За что мне это? Так больше работать нельзя! Решено, беру отпуск! А что? Имею право!

Волшебница выдвинула ящик стола и выудила из груды пожелтевших свитков, тонких пергаментов и смятых бумажных оберток от конфет «Мишка косолапый» паспорт на имя

Вольской Ларисы Андреевны, 1983 года рождения, уроженки Москвы.

Решено. Надо бежать из этого бардака куда глаза глядят. А куда им еще глядеть, как не в родную Москву? Лариса скользнула взглядом по пустым оберткам. Тем более, запас сладостей иссяк и срочно нуждался в пополнении. Девушка нервно прошла по кабинету. К тому же она на вредной работе. Не каждой современной волшебнице, окончившей Высшую школу магии, достается распределение в отсталое средневековье. Более того, она законопослушная чародейка и как честная труженица, согласно договору, имеет право на законный отпуск!.. Наверное... Надо бы как-нибудь все-таки почитать контракт. Хотя это не контракт, а какое-то многотомное издание романа «Война и мир», которое навевает скуку уже на первых пятидесяти страницах. А чего там читать? Одни обязанности и повинности, никаких тебе прав и премий. Нет, ну должно же у нее быть право на отдых?

Лариса щелкнула пальцами (совершенно бесполезный жест, не несущий никакой магической нагрузки, но ей нравился) и поменяла громоздкое платье из парчи на демократичные джинсы и короткую маечку с честной надписью «I'm a witch». И пусть потом не говорят, что она не предупреждала! Затем пошарила по карманам джинсов и обнаружила сто-рублевую купюру. Не густо. Девушка выгребла из шкатулки несколько золотых монет и драгоценных камней,— здешняя зарплата волшебницы,— бросила их в батистовый платок,

который завязала в узел. Напоследок сунула в карман свой паспорт и сжала в ладони амулет перемещений. Сердце радостно ёкнуло, и волшебница приступила к последнему этапу ритуала. Теперь надо представить место в Москве, где бы она хотела немедленно оказаться. Живое воображение мигом нарисовало сияющие витрины ГУМа и лоток с самым вкусным в мире мороженым...

Тем временем неудачливая абитуриентка Глаша Коротыножко, только что с треском провалившаяся на вступительном экзамене в ГИТИС, забрела в ГУМ, чтобы заесть свою печаль ударной порцией пломбира и умереть в расцвете своих семнадцати лет, красоты и таланта назло привередливым преподавателям.

Вообще-то Гликерия мечтала о карьере журналистки, чтобы на полных основаниях иметь возможность совать свой любопытный нос в чужие дела, подслушивать, подсматривать, выискивать сенсации и собирать компромат. Она даже проштудировала на досуге несколько учебников и ознакомилась с правилами написания репортажей, проблемных статей и новостных заметок. Но с журналистикой у нее так и не сложилось. В одних вузах требовали от поступающих багаж из уже опубликованных статей («Странная логика! Если тебя уже печатают, зачем еще и учиться?» – недоумевала Глаша), в других – отличное знание иностранного, а с языками у мадемуазель Коротыножко тоже не заладилось. Так что Гликерия

рия даже документы подавать не стала, решив попытать счастья на актерском поприще – уж что-что, а кривляться она всегда умела. Какие спектакли она закатывала перед учителями, чтобы отпроситься с контрольной, какие представления давала родителям, дабы избежать обязательной дачной повинности и провести выходные в городе, а не на пыльном огороде! Зрители не оставались равнодушными и принимали все за чистую монету. Глаша по праву могла собой гордиться. А вот комиссия актерского вуза ее старания не оценила. А она ведь едва лоб себе не отбила и все занозы на полу коленками собрала, когда читала монолог главной героини из пьесы Метерлинка «Принцесса Мален», соригинальничать хотела. Кто же знал, что профессора сплошь ненавистниками Метерлинка окажутся. Иной причиной их решение Глаша объяснить не могла, ведь игра ее была бесподобной, сегодня она превзошла саму себя! Ну да чего уж там...

Девушка протянула деньги, взяла вафельный стаканчик, лизнула шоколадное мороженое, передумала умирать и повернулась к витрине ювелирного, собираясь поглазеть на красивые безделушки. Вот только вместо бриллиантов от Тиффани и кольцо от Картье она уткнулась в глухую каменную стену, пахнущую сыростью и плесенью. Глаша повернулась к продавщице мороженого и с удивлением обнаружила пропажу белокурой толстухи и превращение современного прилавка в старинный кованый сундук...

Валентина Бабахина, работающая продавщицей мороженого, за пять лет своей сладкой службы видала всякое. К тому же зрением она была слабовата, да и давление скакало будь здоров. Поэтому, когда высокая рыжая девчонка, только что расплатившаяся за шоколадный пломбир, сделав несколько шагов к витрине ювелирного бутика, растворилась в воздухе, Валентина не особенно удивилась, сославшись на томительную духоту и разыгравшееся давление. Оглядевшись по сторонам и с удовлетворением заметив, что посетителей вокруг нет, Бабахина положила руку на пульс и собралась произвести нехитрые расчеты, как вдруг откуда ни возьмись на лоток налетела странная девица с взлохмаченными черными волосами и с узелком в руках.

— Куда прешь? — возмутилась Валентина, ухватившись за лоток и уткнувшись взглядом в голый живот смутьянки, который бесстыдно приоткрывала игривая маечка с надписью на другом языке. Иностранка что ли?

— Вау! — взвизгнула девица на чистом русском и впилась глазами в лоток с мороженым.— Хочу крем-брюле, пломбир и вот это, зелененькое!

Рассчитавшись мятой сторублевкой, покупательница поочередно вгрызлась в мороженое разных сортов, блаженно закатывая глаза, и зашагала по коридору между бутиками, вертя головой то направо, то налево.

— Ненормальная,— покачала головой Валентина и положила руку на пульс.

В дверь тем временем активно ломились. Осторожно приоткрыв тяжелый засов, Глаша чуть не отлетела в противоположный угол комнаты. В тот же момент внутрь ввалились трое чумазых бродяг и пятеро разодетых франтов. Все они в замешательстве вытаращились на Гликерью. Та потрясенно уставилась на странных туристов и нервно лизнула мороженое. Уж не в трагедию ли Метерлинка она попала? Что, если ее прочувствованный монолог так тронул дух великого драматурга, что тот принял ее за подлинную принцессу Мален и перенес во времена действия своей пьесы?

– Мериталь вандербру Кларисса?¹ – обалдело молвил низенький и круглый как колобок щеголь со смешным кружевным воротничком.

– Ду ю спик инглиш? – наивно поинтересовалась Глаша. Ее рука дрогнула, шарик шоколадного мороженого скатился с вафельного рожка и плюхнулся вниз, оставив на пушистом белом ковре мокрое кофейное пятно.

Посетители попятились назад и с воплями исчезли в темном проеме коридора.

* * *

Лариса летела по коридору между магазинов, и душа ее

¹ А где мадам Кларисса? (Пер. с кукуйского.)

пела. Она покинула Москву три года назад и все это время скучала по шуму и огням родного города. Но только сейчас, забегая в бутики главного универмага столицы, примеря диковинные беретки и безумные браслеты, вдыхая ароматы модных духов и перебирая пробники с помадой, глядя на загорелые тела столичных красоток и скользя в толпе празднующихся граждан, Лариса поняла, как же сильно ей всего этого не хватало. Нежных духов, а не едкого одеколona с примесью фиалковой воды. Золотистого загара, а не бледной от густых белил кожи. Смешных береток, а не вычурных шляп, каждая из которых по виду может смело претендовать на предмет искусства, а по весу – на орудие пытки. Дешевых пластмассовых браслетов, а не дорогих антикварных украшений. Ведь она еще совсем молодая девушка, а не зрелая дама! В какой-то момент волшебнице захотелось закричать: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» и больше никогда-никогда-никогда не возвращаться в скучный, безнадежно отставший от жизни сонный и провинциальный Кукуй.

Лариса перебирала вешалки с одеждой и стопки маечек, выхватывала с полок флакончики и разглядывала косметику, но не сделала ни одной покупки. Она могла бы купить весь магазин на один лишь камешек из тех, что лежали в ее узелке. Но зачем? В Кукуе ей негде носить короткие сарафаны и цветные чулки, а здесь всегда достаточно щелкнуть пальцами, представив образ желаемой вещи, и она тут же появит-

ся у нее в руках. Правда, коллегия магов такие фокусы не одобряет, потому что у подобного волшебства есть какой-то побочный эффект, который Лариса, как всегда, не помнила, предпочитая не забивать голову ненужной информацией. Но не так уж часто она к этому прибегает, чтобы вызвать нарекания у начальства.

Пожелав еще раз полакомиться мороженым, девушка вышла из магазина на Красную площадь с двумя стаканчиками пломбира в руках.

На противоположном конце универмага Валентина Бабахина ахнула, заметив пропажу двух порций крем-брюле. Продавщица завертела головой в поисках вора, но никому из посетителей не было дела до ее лотка, а последний покупатель подходил минут десять назад, аккуратно расплатившись за шарик ванильного, и Валентина точно помнила, что после его ухода крем-брюле было на месте. Бабахина на всякий случай ущипнула себя за локоть, но исчезнувшее мороженое не появилось. Тогда продавщица потрогала лоб, пробормотала: «Опять давление разыгралось!» и положила руку на пульс...

Съев мороженое на Красной площади, постояв у Храма Василия Блаженного и поглядев на чистое московское небо, Лариса быстро зашагала к метро. Несмотря на отсутствие грозовых туч, в небе уже появились первые, невидимые простому человеку вестники дождя. Не пройдет и двадцати минут, как мостовая заблестит от воды, туристы заторопятся в

автобусы, а празднующая молодёжь хлынет в ГУМ, искать убежища от ливня и лопать самое вкусное в мире мороженое.

По дороге Лариса завернула в ювелирный и обменяла самый мелкий, размером с вишню, рубин из своей коллекции на пачку бумажных купюр. Так-то лучше. Затем купила у скачущей лоточницы дешёвый китайский зонтик и со спокойной душой нырнула в метро.

Волшебница ни секунды не сомневалась, куда отправиться. За три года в Кукуе она совсем отстала от жизни и страшно соскучилась по кино. Наверняка за это время Киану Ривз, Антонио Бандерас и Джордж Клуни успели сняться в паре-тройке интересных картин, и, если повезет, сегодня ей удастся попасть на одну из них.

Лара ступила на эскалатор и занялась своим любимым времяпровождением, а точнее – времяубиванием: рассмотрением лиц пассажиров, движущихся по соседней дорожке.

Если бы с ней была Ксю, она тут же выдала каждому из них по обстоятельному диагнозу. Ксения в их школе магии слыла талантливой целительницей и могла с первого взгляда определить наличие гастрита, плеврита и прочей хвори в организме. Иногда, когда они ехали в метро и болтали о лекциях и симпатичных студентах, Ксюша вдруг замирала, сканируя взглядом только что вошедшего пассажира, а затем наклонялась к нему и доверительно сообщала: «Про-

верьте почки!», «Будьте осторожней с холестерином», «Бросайте свою работу, иначе геморрой неизбежен». Обычно ого-рошенные люди вылетали из поезда на следующей же остано-вке или предпочитали забиться в противоположный конец вагона. Но попадались и такие, которые с жадностью набра-сывались на Ксюшу, приговаривая: «А вот у меня еще сер-дечко пошаливает. Все ли с ним в порядке? А вот еще желу-док беспокоит. А что бы вы посоветовали по поводу камня в желчном пузыре?» Тут уж приходилось Ларисе с Настей спасать Ксюню. Хотя та, добрая душа, частенько с готовно-стью откликалась на просьбы, щедро раздавала консульта-ции и номера телефонов их дипломированных целителей и нередко так увлекалась, что проезжала свою остановку, если рядом не было подруг, чтобы спасти ее из цепких рук боля-щих граждан. Интересно, где она сейчас? После выпускных экзаменов Ксюшку распределили в один из средневековых миров в самый разгар чумы, и Лариса очень надеялась, что той удалось победить опасную заразу и уцелеть самой.

Спуск в метро был долгим, девушка продолжала переби-рать взглядом лица пассажиров.

Если бы рядом была Настя, она бы поставила пассажирам диагноз другого рода. Тот счастливо женат, этот разведен, блондинка в розовом безумно влюблена, а брюнетку в синем только что бросил парень. Глядя на бесстрастное лицо брю-нетки и недовольную мину на личике блондинки, уткнув-шейся в какой-то модный журнал, Лариса ни за что бы не

догадалась, что творится у них на душе. А вот для Настасьи чувства и переживания окружающих были раскрытой книгой. Преподаватели прочили Настю в ряды «любовных фей», как, посмеиваясь, называли специалисток по любовной магии студенты, и Настена не имела ничего против, это было ее подлинное призвание.

В отличие от шарлатанов, промышляющих «стопроцентными приворотами» и «сексуальными привязками», выпускницы школы магии свою деятельность не афишировали, объявления в газетах не давали и предпочитали оставаться в тени. Но благодаря их стараниям число влюбленных пар и счастливых браков неуклонно росло. Иногда для этого было достаточно анонимного послания с нежным признанием или подножки в толпе метро. Бац! И неприступная сотрудница офиса уже нежно улыбается застенчивому менеджеру, подозревая его в авторстве. Опля! И мужчина, который только что чуть не прошел мимо, уже держит в объятиях свою вторую половинку. Дальше дело уже за ними. Феи не навязывали людям своих решений, они лишь подсказывали им верное направление и близкого по духу человека.

Будь Настя сейчас рядом, она бы развлекла Ларису тем, что подобрала хмурой брошенной брюнетке потенциально-го бойфренда из толпы на эскалаторе. Вряд ли бы он смог составить счастье всей оставшейся брюнеткиной жизни, для этого одной эскалаторной выборки особей мужского пола недостаточно, но в качестве промежуточного звена между

подлым изменником и идеальным избранником вполне бы подошел и скрасил мрачные брюнеткины будни, осушил ее слезинки и вернул на уста улыбку. Иногда Лариса поражалась, как в Настасье, воплощающей в себе способность к самой романтической магии, уживаются и романтика, и утонченный цинизм. Но, видимо, таковы «любовные феи» нового поколения: в отсутствие большой и чистой любви они признают и право подопечных на чувственную и головокружительную короткую связь. Интересно, где сейчас Настасья? Кажется, ей одной из всей их выпускной группы удалось избежать распределения в другие миры. Наверное, педагоги посчитали, что в современном мире с любовью дела обстоят хуже, чем в параллельных измерениях, и одинокие сердца сограждан нуждаются в участии «любовных фей» больше, нежели рыцари и прекрасные дамы средневековья.

Лариса сошла с эскалатора прямо в море спешащих пассажиров, людской поток подхватил ее и потянул за собой в фойе. Метро стирало индивидуальности: попадая туда, каждый становился лишь песчинкой в толпе. Гасли улыбки, тухли глаза, люди машинально надевали маску усталого пассажира и прятали лица за обложкой детектива или в газете соседа. Только Лариса чувствовала себя как рыбка в воде. Метро было под стать ее магии – магии перевоплощений. Ее коньком была смена личин, умение морочить головы. Редкий дар, когда-то казавшийся ей гнусным и бесполезным, отчего-то приводил в трепет преподавателей и вы-

зывал восторг сокурсников. Попав в школу магии, Лариса впервые перестала его стыдиться и с радостью демонстрировала свои способности к изменению внешности, представляя перед удивленной публикой то директором школы, то школьной буфетчицей, то одним из студентов.

Ее дар сыграл с ней злую шутку. Среди учащихся она пользовалась необыкновенной популярностью – девушкам хотелось вызвать зависть у подруг, появившись в компании под ручку с прекрасным по всем параметрам принцем или сфотографироваться с Брэдом Питтом, юношам – поцеловаться с Анджелиной Джолли или заставить ревновать неприступную соседку, прогулявшись под ее окнами с фантастически красивой незнакомкой. Поначалу Ларису это забавляло, и она шла навстречу желаниям знакомых (и не очень) студентов. Но со временем она поняла, что стала заложницей своего магического таланта: никто не видел в ней девушку, никто не интересовался ее личностью. Сама по себе довольно привлекательная и интересная, Ларочка была никому не нужна – ее ценили только за способность перевоплощаться в звезд и недоступных мужчин и женщин. Только Настя и Ксю стали ей настоящими подругами и никогда не пользовались ее даром в своих целях, остальные не упускали возможность злоупотребить безотказностью добродушной, не умеющей сказать «нет» Ларисы.

Она научилась говорить «нет» не сразу, постепенно. Перестала идти на поводу у легкомысленных однокурсников и

соглашалась помочь только тогда, когда речь шла о по-настоящему важных вещах. Заменяла у одра умирающей матери беспутную дочь, которая отказалась прилететь из другого города. Выгнала из дома мужа-алкоголика под видом и по просьбе его слабохарактерной жены, у которой не хватало на это духа. Навестила школьницу, пытавшуюся покончить жизнь самоубийством из-за безответной любви к кумиру, в образе того самого кумира и проговорила с ней всю ночь, своими разговорами и поведением мягко убедив в том, что смазливый певец – не принц из сказки, а парень со своими тараканами, которые девчонке даром не нужны.

Именно к таким делам, способным изменить чью-то жизнь к лучшему, избавить от иллюзий и исцелить людские души, готовили Ларису преподаватели. Именно этим тайно занималась она в Кукуе, расстраивая придворные заговоры, предупреждая войны, низвергая злодеев, выводя на сцену новых героев и между делом улучшая жизнь простых кукуйцев. Официально же волшебница Кларисса вела прием населения, щедро раздавала чудодейственные зелья и творила нехитрую магию, которая входила в стандартный учебный план высшей школы. За два года обучения в ней неумелые и закомплексованные подростки, которых находили маги по всей стране, переставали стыдиться своих необычных способностей и превращались в успешных молодых специалистов в этой области. Их семьи оставались в полном неведении относительно истинных занятий своих детей и их даль-

нейшей работы: это было одно из важнейших правил обучения и дальнейшей работы в коллегии магов. Для каждого ученика существовала своя легенда, которая подкреплялась дипломом российского вуза. Родители были уверены, что их дети – обычные студенты, и даже не подозревали, что на самом деле представляют собой их «заграничные» стажировки. Так же как и потом не догадывались об их настоящей деятельности.

Помариновавшись в метро, насладившись ароматами подземки и наглядевшись на хмурые лица москвичей и гостей столицы, Лариса, доехав до «Курской», с наслаждением выпорхнула из метро, раскрыла зонтик и под кислотным городским дождичком, маневрируя между луж, зашагала к торговому центру «Атриум», на верхних этажах которого располагался многозальный кинотеатр. Давненько она здесь не была. Уже три года прошло. Сколько событий за это время потрясло тихий Кукуй, а тут как будто ничего не изменилось. Все так же спешат люди, все так же выбегают на крыльцо модницы с хрустящими бумажными пакетами в руках, все так же суетятся улыбчивые продавцы.

У дверей Лариса встряхнула зонт, оставив на асфальте цветную лужицу китайской краски, затем оглядела окрашенные в голубой цвет ладони и сунула изделие узкоглазых умельцев в урну. Когда она выйдет из кино, оно ей уже не понадобится. Небо будет чистым, и лужи на асфальте высохнут.

К вечеру весть о том, что Клариссу свергла еще более могущественная ведьма, да не где-нибудь, а прямо в ее личных покоях, взломав все возможные защитные заклинания и оставив от великой волшебницы одно мокрое место, облетела все объединенное королевство. Толпа у ворот рассеялась, предусмотрительно решив, что лучше присмотреться к новой колдунье на расстоянии, нежели пасть жертвой ее гнева, как и несчастная Кларисса.

Слуги, живущие в замке, забились по своим каморкам и нос наружу боялись показать. Глаша тем временем слегка отошла от потрясения, осмотрелась на месте в поисках духа Метерлинка или его телесного исполнителя, никого не обнаружила и решила поискать ответы за пределами комнаты.

Девушка как-то сразу поняла, что очутилась в средневековье, и с любопытством юного натуралиста побегала осматривать замок: от высокой башенки, в которой она оказалась, до самых его подвалов. Здание оказалось большим и старинным. Его потемневшие камни, уходящие в никуда темные узкие коридоры и особый аромат прошлого, который было сложно описать словами, исключали всякую возможность того, что Глаша попала в павильон Мосфильма или стилизованный под старину замок современного чародея.

Ей не было страшно, нет. Гликерья боялась другого –

вдруг все эти потемневшие от веков стены с тускло подмигивающими факелами и тяжелыми дубовыми дверями исчезнут и она окажется стоящей посреди сладко пахнущего зала какого-нибудь банального магазина косметики, каких полно на первом этаже ГУМа, а ее приключения в средневековые закончатся, не успев начаться.

А возвращаться обратно она не хотела. Куда? Домой, в ее крошечную комнатку в хрущевке? К кому? К родителям, которые мигом поникнут, узнав, что дочку не взяли в актрисы? Правда, сейчас предки чешут по Алтаю и вернутся только через две недели... Но Глаша так и представляла себе, как папа ободряюще хлопнет по плечу: «Не расстраивайся, дочь! В следующем году поступишь!», а мама укоризненно покачает головой и скажет: «Надо было идти на социологический, там всего 0,8 человека на место». Смешно! Как на место полноценного студента может претендовать такая ущербная часть человека? Когда Глаша впервые про это слышала, она фыркнула, представив себе студента без головы, а рядом с ним соседа без руки или ноги. Это все и решило. Не могла Глаша быть такой, как все. Тем более не могла она быть хуже, чем остальные. А что может быть хуже, чем поступить на факультет, где для того, чтобы тебя приняли, достаточно быть ноль целых восемью десятыми человека? Нет, амбициозная Глаша не могла оценить себя так низко!

И теперь ее душа ликовала: то, что с ней случилось, было

лучшим доказательством, что она не такая, как все, и, быть может, даже одна на миллион! Иначе с чего бы это Метерлинк, или кто там, выбрал для ответственной миссии именно ее, Гликерью Коротоножку? «Дал же папаня имя и фамилию», — в который раз погрузилась девушка. Мало того что с детского сада за ней прилепился целый шлейф кличек, и дня не проходило без того, чтобы кто-нибудь не прокричал обидное «Рыжий-рыжий-конопатый, убил дедушку лопатой» и «Лукерья — растопырила перья», так еще и с фамилией так повезло! В садике и поначалу в школе было еще терпимо. Ну подумаешь, Глашка-коротконожка! Что тут такого? Ноги у нее и в самом деле тогда были коротковаты. А вот в старших классах, когда Глаша начала стремительно вытягиваться вверх и переросла всех девчонок-ровесниц, сделалось совсем тяжело. Теперь уже ее перестали дразнить именем и цветом волос, а всласть принялись склонять фамилию. Еще бы, Коротоножка с ногами длиной в метр двадцать, при общем росте 182 см, это сильно! Ладно бы дразнили, как всех, дылдай, оглоблей, колокольней или вешалкой, так каждый норovil снисходительно обронить: «Эй, Коротоножка!» И ведь сколько раз Глаша плакала в подушку и мечтала, как только ей исполнится шестнадцать, сменить издевательскую фамилию на какую-нибудь нейтральную Соловьеву или Петрову. Но мечты остались мечтами: она так и не решилась огорчить папу, добродушного рыжего великана, с гордостью носившего фамилию Коротоножка. Он всегда с радостью рас-

сказывал о своих славных предках, среди которых были бесстрашный военный летчик, знаменитый партизан, талантливая оперная певица и героиня труда, и любил повторять: «Не фамилия, Глаша, красит человека, а человек фамилию». И вот теперь и ей выпал шанс прославить их род. Нет, ну не просто же так она сюда попала! Это было бы слишком обидно, и девушка сразу отвергла такое нелепое предположение.

Тут и дураку понятно: она, Глаша, уникальна. И только она может спасти этот мир от вмешательства злых сил! Правда, в чем ее уникальность, Глаша пока не понимала, как спасти мир, не имела ни малейшего представления, да и со злыми силами встречаться ей прежде тоже не приходилось. Если не считать приемной комиссии, которая так недружелюбно закрыла перед ней двери театрального вуза и разбила мечты о киносъемках, покорении Голливуда и получении заслуженного «Оскара» за роль в фильме с Томом Крузом. Но ей, Глаше, этих нюансов знать и не обязательно. К счастью, фэнтези о перемещениях в мирах она читала (и предостаточно!) и была уверена, что вот-вот появится главный режиссер представления и...

1) расскажет о ее скрытых талантах (она бы предпочла магию умениям владения мечом, для девушки это как-то изящнее);

2) посетует на бедственное положение королевства, спасти которое от неминуемой гибели в лице распоясавшихся гоблинов (кроважадных вампиров сумасшедшего чародея,

вменяемого злодея и так далее) сможет только она;

3) представит ей команду помощников, в которой непременно обнаружатся прекрасный принц, верная подруга, искусный маг (или, если не повезет и автор окажется шутником, волшебник-недоучка) и вредный, но незаменимый воин;

4) и, само собой, снабдит всеми необходимыми инструкциями по ликвидации врага и волшебными предметами, которые помогут приблизить день победы.

Правда, не во всех книгах все так гладко. Бывает еще и ироническое фэнтези, где ехидные авторы беспощадно издеваются над героями, выставя их наивными дурачками и неудачливыми дурочками, не замечающими очевидных вещей, водящими дружбу с заклятыми врагами и порой даже помогающими тем не только вырыть собственную могилку, но еще и возвести вокруг нее оградку да камешков на памятник натаскать. Эти хулиганистые писатели никогда не раскрывают перед героем все карты, заставляя его бродить по свету, искать то, незнамо что, попутно убивая монстров и попадая в разные идиотские ситуации. А в конце еще оказывается, что герой, убежденный в собственной уникальности и неповторимости, попал в средневековое королевство с гордым названием Фигадуль по ошибке. Что его, собственно, никто не звал и таланты его ограничиваются приобретенным умением криво махать мечом, спастись бегством и собирать вокруг себя толпу таких же, как и он, неудачников, которые

только по фантастической (несовместимой с жизнью) глупости неприятеля умудряются в конце одержать победу. Вот идиотство! Но уж Глаша-то никому не позволит сделать из себя дурочку и не разрешит водить себя за нос. С ее-то недюжинным умом и сообразительностью она мигом определит, кто друг, а кто враг, вычислит максимально короткий путь к победе и поведет свою команду к счастливому финалу – безо всяких продолжений. Они, как известно, испортили много хороших книг и кинофильмов.

Глаша уже успела обойти весь замок с верхних этажей до подземелья (правда, туда она заглядывать не стала... Вдруг там крысы?), заглянуть за забралю стоящему у дверей рыцарю (симпатичного юноши в доспехах не обнаружилось, а жаль!), сунуть свой курносый нос в котел на кухне (и не только сунуть, но и снять пробу с довольно вкусного наваристого бульончика), едва не подпалить рыжий хвост огнем факела (надо быть поосторожней... Какая же героиня без копны волос ниже пояса? Вовремя мама отговорила стричься) и выглянуть наружу, обозрев дворик, по которому беспрепятственно бродили куры и утки. Деревня! Но хорошо хоть не пустыня.

Странно, но никто не спешил выразить ей свое почтение и ввести в курс дела. Замок словно вымер. Хотя Глаша прекрасно слышала топот шагов, стремительно удаляющихся из зала, когда она к нему подходила. И бульон в котле был горячим, только что сваренным. И в камине весело потрескивал

огонь. И куры выглядели сытыми и довольными жизнью. И, что самое подозрительное, комнаты, с крошечными дверками в левом крыле замка и с резными дверями на втором этаже, были заперты. Проходя мимо, девушка вежливо постучалась в некоторые из них, но ответа не дождалась. Может, оно и к лучшему: что бы она сказала обитателям замка? Как там говорил смешной франт в жабо: «Мериталь вандербру?» И как ей прикажете с ними общаться? Она и фразу на английском-то выпалила совершенно машинально. Даже если бы франт ответил на чистейшем наречии Шекспира, она бы все равно ничего не поняла и поддержать беседу не сумела, а тут и вовсе какие-то «вандербру»!

Вот тебе и первое разочарование: она-то не сомневалась, что с перемещением в другой мир одновременно получит чудесный дар владения здешним языком, и это владение будет таким свободным, что она и не сразу заметит, что разговаривает на неведомом наречии. На лицо Глаши набежала тучка, но она тут же прогнала от себя мрачные мысли. Сейчас появится волшебник, щелкнет пальцами, и она обретет способности к языкам. Потом они поговорят о деле спасения мира и перспективах возвращения домой (естественно, после того, как мир будет спасен, а победитель обретет достойную награду).

Приободренная Глаша шаловливо щелкнула пустоголового рыцаря по шлему, отчего тот зазвенел как колокол, и решила еще раз обойти владения, все тщательно обследовать

и законспектировать. Она вытащила из рюкзака блокнот и ручку, которые всегда носила с собой, перевернула исписанные чужими афоризмами странички и написала: «Средневековые заметки». Затем подумала и добавила: «День первый, московское время 14.07 (местное неизвестно), местоположение непонятное, старый замок».

Она вновь обошла все здание, срисовывая узкие оконца и узоры на стенах, фиксируя свои впечатления. Если бы дух архитектора замка заглянул в заметки высокой рыжеволосой девушки и смог перевести их, он был бы смертельно оскорблен. «Строил замок какой-то неумеха. Коридоры здесь узкие, потолки низкие, так что все время приходится наклонять голову, двери на первом этаже крохотулочные, словно здесь живут не люди, а гномы», — кропотливо записывала она.

А следующий комментарий нанес бы страшное оскорбление художникам, приложившим руку к замковым фрескам: «Рисунки, сделанные прямо на стенах, до того корявые и неумелые, что, сдаётся мне, рисовал их или сам хозяин левой рукой, или его дети. Вот только непонятно, зачем он отдал им на растерзание стены в большом зале. Судя по огромному столу, широкому креслу в его главе и длинным скамейкам вдоль стен, зал является парадным, и здесь встречают гостей. Так что корявые рисунки с изображением охоты и войнушки здесь никак не к месту, рисовали бы себе в коридоре, где их никто не видит, кроме самих обитателей замка, или в детской комнате. Хотя, может, хозяин гордится каляками-маля-

ками своих чад? Или у него просто не хватило денег, чтобы оплатить холсты и труд приличных живописцев?»

Обойдя весь замок, Глаша остановилась у крутой винтовой лестницы, ведущей в башню, к круглой комнате с дубовой дверью и белым ковром, испачканным шоколадным мороженым. «Странно,— отметила она в блокноте.— Мне казалось, что в башне прятались осажденные от врагов. Но если те люди, которые ворвались в комнату, были врагами, почему же они унеслись сломя голову при виде меня?» Девушка огляделась по сторонам — замок был по-прежнему пуст и безлюден, но ей казалось, что десятки невидимых глаз следят за каждым ее шагом. Волшебник, вызвавший ее в этот мир, так и не появился, и Глаша решила подняться наверх в надежде отыскать какие-нибудь зацепки в башне. Ведь недаром она оказалась именно там, а не на заднем дворе или на кухне!

В тот момент, когда она вошла в комнату с белым ковром, где Кларисса принимала посетителей, во двор замка въехал всадник на гнедом коне.

* * *

Выбирая между «Тройным форсажем», «Пиратами Карибского моря-2» и «Возвращением» Альмодовара, Лариса решила остановиться на «Пиратах». Джонни Депп хоть и не Киану Ривз, да и Орландо Блум — это вам не Райан Филипп, но на «безРивзь» сойдут. Да и вообще, она так соскучи-

лась по темному залу кинотеатра и хрустящему соленью попокорну, что готова пойти хоть на «Очень страшное кино-6» или какой-нибудь «Свадебный переполох-3». Хотя она бы предпочла фантастический блокбастер с компьютерными спецэффектами костюмированным «Пиратам», антураж которых вряд ли сильно отличается от кукуйских декораций, но таких, увы, в афише не было. Решив почувствовать себя обычным зрителем и обойтись без магических фокусов, Лариса протянула деньги в кассу:

– Один билет на ближайших «Пиратов».

Сидящая вполоборота сучающая шатеночка радостно встрепенулась и защелкала мышкой. Лариса завистливоглянула на ее прямые, аккуратно подстриженные под карэ волосы со сложным мелированием – она себе такую роскошь позволить не могла. Мало того что волосы у нее с рождения вьющиеся и торчат в разные стороны, так что единственный способ их обуздать – отрастить ниже пояса, чтобы под тяжестью они немножко выпрямились, так они еще и насыщенного каштанового цвета, а уж в сочетании густой и длинной копны кудрей с карими глазами Лариса и вовсе похожа на шальную цыганку. Хорошо, хоть нос ей достался курносый, типично славянский, и кожа аристократически бледная, а не смуглая, но все равно в метро раньше приходилось чуть ли не каждый день бдительным милиционерам паспорт с пропиской демонстрировать, уж слишком подозрительной для москвички она им казалась. Да и будь у нее идеально гладкие

русые волосы, о стрижке и модном окрашивании не могло быть и речи, пока она официальная волшебница Кукуя.

– Вы одна? – ласково переспросила кассирша, поворачиваясь к Ларисе всем телом и встречаясь с ней теплым взглядом серых, таких знакомых глаз.

– Настасья! – радостно вскрикнула девушка.

– Ларка! – аж подскочила в кресле подруга. – Ты меня как нашла?

– Да я вот в кино пришла...

– А ты давно вернулась? Я думала, тебе еще два года в своем Темноземье куковать, – удивилась Настя.

Темноземьем студенты их школы называли средневековые королевства, куда обычно и отправлялись отбывать обязательную практику выпускники.

– А ты что тут делаешь? – почти одновременно с ней воскликнула Лариса.

Девушки рассмеялись, обрадованные случайной встречей. Каждой из них было что рассказать подруге о том времени, пока они не виделись.

– Слушай, я как раз через пару часиков освобожусь, ты еще успеешь «Пиратов» посмотреть, – сказала Настя. – Подождешь меня?

– Конечно! – с радостью заверила Лариса.

А куда ей спешить? Родственников в Москве у нее нет, квартиру обещали дать только по возвращении из Кукуя. Честно говоря, никто ее здесь не ждет и никому она здесь не

нужна. Хорошо вот Настасья объявилась!

— Тогда держи.— Подруга протянула ей картонный квадратик билета и отсчитала сдачу.— Я постараюсь освободиться к концу сеанса и поймать тебя на выходе.

Лариса купила самое большое ведерко попкорна и поспешила в зал, куда уже стекалась публика.

* * *

Поднявшись наверх и ступив на белый ковер, Глаша зажмурилась от яркого солнечного света, проникавшего в высокие, размером с человеческий рост, окна. После мрачных коридоров и темного зала первого этажа она даже ослепла на секунду. Потом глаза привыкли к солнцу, и девушка занялась обыском.

В комнате было не так много мебели. Половину круглой стены занимали окна, делая помещение похожим на аквариум или какой-нибудь современный пентхаус, здесь стояло кресло, накрытое белой шкурой неизвестного происхождения. Другая половина стены была глухой. Тут находились дубовый письменный стол, сервант, заставленный разноцветными склянками, как витрина парфюмерного магазина, и подобие дивана. В витрину Глаша решила пока не соваться, а вот на столе ее внимание привлекла стопка писем. Покрутив в руках, она с сожалением положила их обратно. Почерк, которым были надписаны конверты, был безупречен, но слова

не имели ничего общего с русским языком. Нечего даже было и думать о том, чтобы прочитать содержимое посланий. Какая досада!

Девушка потянула на себя ящик стола и обнаружила там пожелтевшие свитки, стопку тонких пергаментов и толстую книгу в кожаном переплете.

– Неужели колдовская? – обрадовалась она, осторожно вынимая книгу.

Кто знает, вдруг она кусается, как в фильме про Гарри Поттера? Но книга вела себя, как и подобает приличной книге: не вырывалась, не брыкалась, дурным голосом не вопила. Но и тайны свои выдавать не спешила: Гликерия с разочарованием уставилась на все те же незнакомые буквы и со вздохом захлопнула бесполезный талмуд. Книга была тяжелой и выпала из рук. По белоснежному ковру разлетелись разноцветные фантики. Глаша охнула, опускаясь на пол, подняла том, аккуратно сложив страницы, и недоверчиво уставилась на кусочки фольги и бумаги, засыпавшие пол. Не веря своим глазам, она протянула руку, нащупала клочок зеленой, чуть промасленной от шоколада обертки и прочитала:

– «Мишка косолапый».

Логотип кондитерской фабрики и конфетный вариант репродукции Шишкина прилагался. Другими бумажками оказались тщательно выпрямленные между страниц толстой книги фантики от конфет «Красная шапочка», «Белочка», «Трюфель», «Ну-ка, отними» и «Костер».

Глаша собрала фантики в стопку и положила на край стола. Ну и дела! Неужели предчувствие ее обмануло и весь окружающий замок – сплошная бутафория? Тогда куда же она попала? В замок, открытый для посещения туристов? В кинопавильон?

Девушка подошла к высоким окошкам и прижала нос к стеклу. Не похоже. Лес выглядит густым и настоящим, небо чистое, голубое, без белых дорожек от самолетов. Не видать ни столбов с электричеством, ни толп туристов, ни лавок с сувенирами, ни палаток с водой или мороженым. За стенами замка не припаркованы ни экскурсионные автобусы, ни автомобили актеров и киноработников. Да и вряд ли бы ей, посторонней девице, разрешили беспрепятственно слоняться по замку, и при этом киношники или сотрудники музея стали бы от нее бегать и прятаться. И как тогда объяснить кур, шастающих по двору, и бульон в котле?

Глаша отвернулась от окна и перевела взгляд на край стола. А как объяснить коллекцию фантиков от конфет, которые продаются в Москве в любом кондитерском?

Ящик стола был по-прежнему выдвинут, и любопытство подсказывало, что на его дне ее могут ждать новые сюрпризы и открытия. Глаша подошла к столу, отодвинула в сторону пергаменты и свитки и выудила книгу вполне современного вида. Книга как книга, толстенькая и почти новая. Сразу видно, почти нечитаная. Так, может быть, открывали пару раз. А между тем название у нее прелюбопытное – «Магиче-

ский кодекс», и, между прочим, на русском! Вот дела!

– Издательство Высшей школы магии, Москва, – прочитала Глаша на первом развороте, – год две тысячи третий. Доп. тираж 5000 экземпляров.

Ну и ну! Мало того что в Москве, оказывается, существует Высшая школа магии, во всяком случае, три года назад точно существовала и имела свое собственное издательство, так еще и о числе волшебников остается только догадываться. Если только дополнительный тираж составил 5000 экземпляров, то каким был основной? Десять, пятнадцать, тридцать тысяч? А ведь они живут с ней бок о бок, наверное, так же, как она, ездят в метро (ну не на метлах же они летают, в самом деле? И не на коврах-самолетах!) и чтят законы. Вот только законы у них свои, магические... А вкусы вполне людские – из книги выпало еще несколько фантиков от конфет. Гликерия уселась в кресло у окна и погрузилась в чтение.

Увлеченная кодексом, она не сразу услышала, как распахнулась тяжелая дубовая дверь. Она обернулась на шум и увидела низенький темный силуэт в залитом солнцем дверном проеме. Из-за яркого света ей не удалось разглядеть лицо гостя, но в первые же секунды слегка перетрусившая Гликерия просканировала его фигуру на предмет присутствия рогов или хвоста и немножко расслабилась. Ни рогов, ни хвоста незваный гость не носил. И на том спасибо.

– Мериталь Кларисса?² – напряженно спросил незнакомец, выступая из круга света.

Теперь Глаша могла разглядеть его достаточно ясно. Это был невысокий молодой мужчина лет двадцати пяти, одетый в старинный костюм, словно сошедший со страниц исторического романа. Брюнет с голубыми глазами – звучит романтично, а выглядит куда прозаичней. Его лицо было вытянутым и некрасивым, с крупными неправильными чертами, оттопыренными ушами и живыми лучистыми глазами. Внешность его не была отталкивающей, но и отнюдь не внушала симпатии. Глаша даже расслабилась – на героя ее романа он никак не тянет, значит, с этим проходным персонажем можно особенно не церемониться. В свою очередь незнакомец тоже не испытал особой радости по случаю встречи с молодой привлекательной девушкой, какой искренне считала себя самолюбивая Глаша. Его рука сжимала рукоять кинжала, заткнутого за пояс куртки, а напряженное как струна тело готово было в любой момент броситься на несостоявшуюся студентку ГИТИСа. По его словам Гликерия догадалась, что он спрашивает у нее то же, что спрашивал щеголь в жабо, и не нашла ничего лучшего, как повторить в ответ:

– Ду ю спик инглиш?

– Куа?³ – растерянно переспросил тот, не убирая ладони с кинжала.

² Где Кларисса? (Пер. с кукуйского.)

³ Что? (Пер. с кукуйского.)

– Ни куа вас не понимаю,– осторожно развела руками Глаша, всем своим видом демонстрируя дружелюбное расположение и желание сотрудничать.

– Келла вис Кларисса? Куа таво лейни дарни?⁴ – не сводя с нее подозрительного взгляда, продолжал задавать вопросы тот.

– Не понимаю,– быстро замотала головой Глаша, опасаясь, как бы этот галантный на первый взгляд кавалер не перешел в наступление.– Но я пришла с миром и готова вести переговоры – в присутствии переводчика. И адвоката,– подумав, добавила она.

– Фигаро балбесум⁵,– с досадой пробормотал он.

– Сам дурак,– не осталась в долгу Гликерия. Причем произнесла она это с такой милой улыбкой, что парень мог бы подумать, что ему признаются в любви.

От теплого взгляда лучистых серо-зеленых Глашиных глаз тот смягчился, наконец-то убрал руку с пояса и, сделав знак, чтобы девушка оставалась на месте, попятился к витрине со склянками. Дойдя до серванта, он распахнул его створки, поводит носом вдоль полок, дважды взял пару бутылочек, повертел в руках, покачал головой, поцокал языком и поставил на место. Потом наконец отодвинул передние баночки и выудил из недр шкафчика узкую, похожую на пробирку бутылочку с темно-синей, словно чернила, жидко-

⁴ Кларисса жива? Что ты с ней сделала? (*Пер. с кукуйского.*)

⁵ Ничего не понимаю (*Пер. с кукуйского.*)

стью. Незнакомец выдернул пробку, понюхал содержимое, довольно улыбнулся и подошел к девушке, предлагая взять склянку. Теперь настала пора Глаши недоверчиво хмуриться и сверлить ушастого подозрительным взглядом.

– И что мне с ней прикажешь делать? Пить???

Тот сделал вид, что опрокидывает бутылочку и пьет, и выжидающе посмотрел на Гликерию.

– Нет уж, благодарю покорно, – вежливо сказала она, собираясь вернуть флакончик гостю.

Тот рассмеялся и изобразил целую пантомиму. Сперва схватил себя руками за горло, изображая отравленного, потом ткнул рукой в бутылку, которую Глаша по-прежнему протягивала ему, и кивнул головой, мол, правильно я понял, чего боишься? Девушка отпираться не стала и так же красноречиво постаралась изобразить, что пить подозрительную жидкость неизвестного происхождения не станет и под дулом пистолета.

Тогда незнакомец взял бутылочку и слегка пригубил ее содержимое, а затем вновь протянул Глаше.

«Знакомство, что ли, предлагает отпраздновать?» – недоумевала та, но флакончик взяла и тоже сделала глоточек. Чернила оказались по вкусу похожими на вишневый сок, без единой капли алкоголя.

Брюнет одобряюще кивнул и показал: «Пей до дна!» Затем молитвенно сложил ладони: «Пожалуйста!»

– Боже, что я делаю! – пробормотала Глаша, а затем запро-

кинула голову и выпила чернила со вкусом вишни до последней капли. В ушах зазвенело, на мгновение стиснуло виски.

— Канн... лава небесам! — донеслось до нее откуда-то издалека.— Надеюсь, я не перепутал зелья.

Глаша тряхнула головой, и приступ мигрени тут же прошел, сознание стало ясным как никогда, прекратился и звон в ушах.

— Блин, что за отраву я выпила!

— Сработало! — вскричал обрадованный «отравитель».— Меня зовут Оливье, маркиз Беруши,— представился он.— Кто ты и что тут делаешь? И где сейчас Кларисса?

Глаша пару секунд растерянно таращилась на гостя, а потом выдохнула:

— Я тебя понимаю!

— Вот и отлично,— поторопил он.— Так кто ты такая?

— Это чернила? Из-за них я могу тебя понимать? — спросила Гликерия, не сводя глаз с Оливье. Имя-то какое смешное, как у любимого салата ее мамы. А что за фамилия — Беруши? Нет, на кандидата в мужчины ее мечты он явно не тянет, с такой-то фамилией и с таким-то ростом! А может, он волшебник, который ее сюда вызвал? Вон и зельем ее как ловко опоил...

— И не только понимать, но и говорить,— тем временем кивнул он.— Так...

— Кто я такая? — усмехнулась девушка, перебив его.— Меня зовут Гликерия. Я из Москвы.

– Это же королевство, из которого родом Кларисса! – про-
сиял Оливье. – Гликерия, ты ее подруга?

– Кто такая Кларисса? – в свою очередь удивилась Глаша.

– Кларисса – хозяйка этого замка, – в недоумении ответил
маркиз. – Мы сейчас в ее комнате.

– Она колдунья? – Девушка покосилась на Магический
кодекс, который по-прежнему лежал у нее на коленях.

Значит, любительница «Мишки» и «Белочки» – москвич-
ка? Вот только с каких пор Москва стала королевством?

– Она волшебница, – обиженно возразил Оливье.

«Интересно, кем он приходится этой Клариссе?» – с лю-
бопытством подумала Гликерия, а вслух усмехнулась:

– А есть разница?

– Разница есть, – многозначительно произнес он.

– Я не знаю Клариссу и не представляю, где она может
быть, – покачала головой Глаша.

Гость помрачнел, бросил взгляд на кодекс и о чем-то за-
думался. Что-то не похож он на кудесника, который ее сюда
вызвал.

– Хорошо, – произнес он. – Я верю, что ты не волшебница
и у тебя нет враждебных намерений, иначе ты бы уже давно
применила чары против меня. Тогда расскажи, как ты здесь
оказалась.

Глаша с готовностью описала, как зашла в магазин поесть
мороженого и как очутилась в круглой комнате с каменными
стенами, и уставилась на Оливье, в надежде, что тот прояс-

нит ситуацию. Но маркиз выглядел не менее озадаченным, чем она сама: склонил голову, обхватил подбородок рукой и задумался.

— Очень похоже на двойное перемещение,— наконец изрек он и снова глубокомысленно замолчал.

— И что все это значит? — окликнула его заинтригованная Гликерия.

— Что Кларисса сейчас в Москве, а ты оказалась здесь вместо нее,— пояснил он.

— Потому что я тоже волшебница и по силе равна ей?— возликовала девушка.— Вот здорово! Я так и подозревала!

— Потому что ты оказалась ближе всех от того места, куда переместилась Клэр,— разбил ее мечты Оливье.

Такое объяснение Глашу не обрадовало.

— Вот только не могу понять, почему Кларисса сбежала, не предупредив меня,— нахмурился ее собеседник.— И почему она не подумала о двойном перемещении? Ладно, с этим разберемся позже. Пока надо решить, как быть с тобой.

Гликерия с надеждой уставилась на средневекового аристократа, ожидая, что тот предложит ей план приключений на ближайшие пару недель, из которых ловля русалок и бал вампиров будут самыми безобидными.

— Так, сиди пока здесь и не высовывайся,— велел он.— Я пойду успокою слуг, а то они еще напридумывают себе, что ты и меня съела, как Клариссу.

— Что? — вытаращила глаза Глаша.

– Граф Брикун, который тебя здесь видел, уже растрезвонил по всем окрестностям, что Клариссу свергла более сильная ведьма, оставив от нее только мокрое место,– он кивнул на кофейное пятно на белоснежном ковре и вышел за дверь.

– Какой бред! – опешила девушка, но тем не менее подбоченилась.

Слухи – обязательный спутник знаменитостей. Раз о ней уже говорят, то ли еще будет! Она еще всем здесь покажет! Правильный пиар – уже половина дела. Остается надеяться, что этот Брикун не простой пустомеля и его словам люди поверят.

О том, как она будет подтверждать авторитет колдуньи, Глаша пока не задумывалась.

* * *

Разомлев в мягком кресле кинозала и опустошив все ведро с воздушной кукурузой, довольная Лариса выплыла в фойе последней. Настя, как и обещала, уже ждала ее у дверей.

– А я уж думала, ты мимо проскочила! – воскликнула она, звонко расцеловывая Лару в обе щеки.– Ну что, посидим в кафе? Ударим по тортикам?

Лариса облизнула соленые от поп-корна губы.

– Посидеть посидим, но насчет тортиков – я пас.

– Неужели даже на тирамиссу не соблазнишься? – под-

мигнула Настасья, увлекая ее к эскалатору.

– Искусительница! – простонала Лариса, живо представив себе порцию воздушного бисквита, пропитанного легким ликером и покрытого нежнейшим кремом из сыра «Маскарпоне», да еще посыпанного сверху какао и шоколадной стружкой.

– Ну вот и отлично!

Настя завернула в двери кофейни, Лара затормозила у витрины с десертами и с наслаждением вдохнула восхитительный аромат кофе, шоколада и корицы.

– Не надо было есть столько поп-корна, – сокрушенно простонала кукуйская волшебница, глядя на великолепие тортов, суфле и румяной выпечки, и, с трудом оторвавшись от пленительного зрелища, догнала Настю, уже расположившуюся за столиком у окошка.

– А глазки-то, глазки-то загорелись! – поддела подругу Настасья.

Ларочка всегда была сладкоежкой, и вечно сидящие на диетах девочки не переставали удивляться, как при такой страсти к тортикам той удается оставаться тоненькой как тростинка. Самые завистливые даже объясняли природную стройность Ларисы искусно наведенным мороком.

– Глазами так бы все и съела, – со смехом подтвердила девушка, раскрывая меню. – Но чтобы пощадить желудок, придется остановиться на тирамиссу.

– И правильно, он здесь восхитительный, – одобрила ее

выбор Настя.

– Отлично выглядишь,— искренне сказала Лариса, поглядывая на подругу поверх страниц.

Тронутое легким загаром лицо Настасьи выглядело свежим и сияющим, волосы, которые привлекли ее внимание с первого взгляда, были блестящими и тщательно ухоженными. Голубая маечка необыкновенно шла к серым Настиным глазам, придавая им легкий васильковый отлив, а пышная юбка необычного покроя, чуть ниже колена (наверное, последний писк моды, когда Лара закончила школу, таких еще не носили), делала подругу похожей на современную принцессу.

– Положение обязывает,— улыбнулась Настасья.— Я же как-никак фея, хоть и понарошку... Ты, кстати, тоже красотка!

– Ой, да ладно! — отмахнулась от такой наглой лжи Лариса.— Знаю, что выгляжу, как невеста Дракулы, которая месяц просидела на вегетарианской диете.

– Да, бледная ты какая-то,— согласилась Настя.— Случилось чего?

– Случилось,— проворчала волшебница.— По тамошней моде необходимо быть бледной поганкой, и чем зеленее— тем лучше.

– Ой, да, я и не учла, какие там у вас нравы! — развеселилась Настя.— Давай рассказывай!

Подбежавший к девушкам официант принял заказ, забрал

мению и, ловко маневрируя между столиками, унесся к бару.

– Ты влюблена,– удовлетворенно заметила специалистка по любовной магии.– И даже не смей мне возражать. Официант божественно хорош, а ты на него даже не взглянула. В другое время ты бы принялась строить ему глазки, а потом еще пять минут изводила меня вопросами – уж не он ли твоя судьба. И даже если бы я сказала свое категоричное «нет», ты, несмотря на мои предостережения, все равно украдкой вложила бы свой номер телефона в счет.

– Не буду возражать,– с улыбкой ответила Лариса, вспомнив ярко-голубые, как небо над летним Байкалом, глаза Оливье.

– Наверняка он благородный рыцарь или прекрасный принц? – заинтересовалась Настя.

– Нет, он простой оборотень. На лицо ужасный, добрый внутри,– не упустила возможности пошутить Лара.

– Ты серьезно? – ахнула Настасья и, заметив смешливые искорки в глазах подруги, проворчала: – Вот врунья! Ну давай, рассказывай.

– Сначала ты.

– Да что я? – удивилась Настя.– Москва – это не Темноземье. Даже не представляю, куда ты попала и что там происходит.

– Всему свое время,– улыбнулась Лариса.– Мне, может, тоже не терпится узнать, с каких пор наша ведущая любовная фея подрабатывает кассиром в кинотеатре. А как же

поиск оптимального партнера, встречи любящих сердец и улучшение демографической ситуации в стране? Плохо стараешься. Я по дороге сюда прочитала в газете соседа заметку про то, что москвичи медленно, но верно, вымирают как мамонты. Только мохнатые – от природного холода, а люди – от недостатка сердечного тепла.

– Вечно ты найдешь что почитать,– хмыкнула Настасья.

– Так почему ты работаешь кассиром? – сгорая от любопытства, повторила вопрос волшебница.

– Не поверишь, но кассир в кино – уникальная профессия для применения моей специальности,– рассмеялась Настя и заговорщически поведала: – Ты только представь, сколько человек за одну смену проходит перед моими глазами. И только от меня зависит, кто из них получит счастливый билетик и абонемент на места для поцелуев!

– Ничего не понимаю,– призналась Лариса.

– Ну ты сама подумай: не одни же влюбленные парочки в кино ходят, так? – намекнула подруга.

– Правда? – «искренне» удивилась Лара. – Неужели кто-то в самом деле ходит смотреть кино? С ума сойти!

– Заткнись, заноза,– нежно велела Настасья. – Так вот, в кино ходит масса одиноких людей: и в компании с друзьями, и сами по себе. Я подбираю билеты так, чтобы в соседних креслах с ними оказались не влюбленные парочки, а такие же одиночки, как они сами. И не просто одиночки, а те из них, кто им лучше подходит. Ты же знаешь, мне достаточно

одного взгляда на мужчину и женщину, чтобы определить, будут ли они счастливы вместе или нет. Так вот, просто поразительно, сколько идеально подходящих половинок, не зная друг друга и не имея возможности познакомиться, приходят на одни и те же сеансы. Как будто судьба сама сводит их вместе. А я помогаю им эту возможность не упустить. Знаешь, как это обычно бывает: симпатичный сосед, случайное касание рук на общем подлокотнике, смущенный взгляд – и все, искра пролетела, глаза встретились, сердце ёкнуло. Вуаля, новая пара готова! – торжествующе объявила она.

– И часто такое случается? – скептически усмехнулась Лариса.

– Да каждый день! Ты думаешь, я здесь просто так штаны просиживаю? Я уже сотни пар вместе свела, – похвасталась Настя. – Они потом вместе в кино приходят, держась за руки и не спуская друг с друга глаз, и я их тогда на места для поцелуев, где повыше и побезлюдней, отправляю. Стараюсь больше никого к ним в ряд не подсаживать, если народу немного, чтобы им никто не мешал. Меня даже пару раз запоминали и благодарили: спасибо, что вы мне тогда именно этот билет продали, а то бы я не встретил свою Аню, Маню, Катю, Вову, Лешу, Славу...

Подбежавший официант ловко установил на крошечном столике две тарелки с десертом, бокал с кофе для Ларисы, чашку чая с заварочным чайничком для Насти и пепельницу неизвестно для кого, разложил приборы и деликатно уда-

лился.

«Красивый мальчик»,— равнодушно отметила Лариса, вспомнив о замечании Насти. Как же меняется мир, когда ты находишь свою любовь и перестаешь вглядываться в лица всех встречаемых мужчин, ища в них того, единственного.

— Поздравляю! — улыбнулась она, нанизывая на вилку кусочек тирамиссу.— Значит, ты удачно здесь устроилась.

— Да, три дня в неделю здесь работаю, а два дня в ЗАГСе заявления принимаю,— сообщила Настя.— Там работа еще ответственней: проверяю на совместимость будущих молодоженов и тех, кто на развод подает.

— И что ты делаешь, если видишь, что жених с невестой друг другу категорически не подходят? — заинтересовалась Лариса.— Отговариваешь подавать заявление?

— Нет, конечно. Мое дело — определить и сообщить куда следует, если необходимо принять меры, а там уже наши маги по личной работе вмешиваются.

— Прямо так и вмешиваются? Невесту дома запирают, жениха похищают, свадьбу расстраивают? А как же свобода выбора? — прищурилась Лариса.

— Знаешь,— тихо ответила Настя.— Иногда люди сами не ведают, что творят. Выходит девушка замуж за любимого, да непутевого, даже если все вокруг против их союза, а он ей через месяц, по глупости, изменит с подружкой. Она повесится, а парень, чувствуя свою вину, наркоманом станет.

Настя замолчала, а затем глухо добавила:

– Был у меня в начале работы такой случай. Я тогда уперлась рогом, доказывая их право на свободу выбора. Тем более был у них небольшой шанс, что все обойдется, и я в него поверила. Глупая была. Наставники тогда не стали мне перечить, решили урок преподать. Пяти недель не прошло, как я на похоронах той невесты стояла. Никогда не забуду глаза ее матери и того парня. А через год и он сам от передозировки погиб. С тех пор я ученая стала, всегда перестраховаться предпочитаю.

– Да уж, специфика,– потрясенно произнесла Лариса, делая глоток кофе глясе.

– Зато представляешь, скольких таких трагедий можно предотвратить, если вовремя разглядеть тревожные сигналы? – Лицо Насти прояснилось.

– Полезная у тебя работа,– признала волшебница.

– Ну а ты? – встrepенулась ее подруга. – Почему ты здесь? Что-то случилось в твоём ведомстве? Понадобилась помощь наставников? Или у нас что неладно, что тебя в командировку вызвали?

– Да нет, все в порядке,– бойко орудуя вилкой и поглощая тирамиссу, ответила Лариса. – Просто решила устроить себе каникулы.

– Каникулы??? – Красиво очерченные брови Насти поползли вверх.

– Ну да! А что тут такого? Имею я право увидеть родной город, съесть любимый десерт? Конечно, имею! Кстати, ты

чем брови подводишь – карандашом или специальной подводкой? Надо мне тоже такую штуку приобрести, посоветуй, как подруга, – легкомысленно проворковала Лара, гоняя кусочек пирожного по тарелке и игнорируя странное выражение лица Настасьи.

– Вольская! – ледяным тоном сказала любовная фея. – Только не говори мне, что ты явилась сюда без разрешения комиссии и еще не отметилась в коллегии.

– А что, надо отметить? – беззаботно отозвалась та. – Тогда, конечно, отмечусь, какие проблемы. Надо так надо. Я волшебница законопослушная, примерная...

– Лариса! – в ужасе простонала Настя. – Как можно быть такой безответственной? Ты хоть понимаешь, что ты натворила?!

– Настька, да хватит паниковать. Что такого-то? Ну отмечусь я в твоей коллегии. Вот сразу как из кафе выйдем, так тут же поеду и отмечусь, – клятвенно пообещала Лара.

– Не сразу, а сейчас же! – Голос Настасьи зазвенел от негодования. Она бросила на стол крупную купюру, которая с лихвой компенсировала и счет за десерт, и чаевые официанту, и быстро поднялась из-за стола: – Идем!

– А тирамиссу? – Лариса в удивлении перевела взгляд с лица хмурой подруги на нетронутую половину лакомства.

– И она еще думает о тирамиссу! – взревела Настасья. – Быстро за мной! Может, пока еще не поздно все исправить!

– Да что исправить-то, что? – Пристыженная Лариса, по-

чуяв неладное, поднялась из-за столика, с сожалениемглянула на десерт и, не удержавшись, зацепила вилкой кусок побольше и отправила себе в рот.

– Лариса!

Настя аж закрипела зубами, развернулась на каблуках и пулей вылетела из кафе, едва не сбив с ног того самого красивого официанта. Лара кинулась за ней, парень преградил ей путь, очевидно, решив, что девушки хотят сбежать, не расплатившись.

– Деньги на столе,— махнула рукой она, торопясь догнать Настю.

Заметив купюру, лежащую среди тарелок, официант пропустил Ларису, и та поспешила вслед за подругой, поражаясь ее странному поведению. Может, у Настасьи ПМС? Как некстати! И при чем здесь, собственно, тирамиссу? Даже доест толком не дала, бешеная какая-то. Вот что всегда поражало Ларису в подруге, так это ее патологическая исполнительность и приверженность правилам. Настя всегда являлась на занятия за десять минут до начала, сдавала задания до срока, заполняла отчеты по практике так, что ее ставили в пример всей группе, присутствовала на всех официальных мероприятиях, не пропускала ни одного организационного собрания или плановой диспансеризации. Поэтому то, что Настасья устроила такую панику из-за того, что Лариса забыла где-то там отметить, вполне объяснимо, утешала себя волшебница, пытаясь заглушить сигнал тревоги, который

вызвала в ней странная Настина реакция.

– Ну где ты там? – окликнула ее Настя, когда Лариса вышла на улицу.

Подруга зря времени не теряла и уже успела поймать так-си.

– Да к чему такая спешка-то? – удивилась она.

– Давай быстро в машину, горе ты мое луковое, – мрачно скомандовала Настасья. – Объясню по дороге.

* * *

За окном уже сгущались сумерки, Глаша стояла у окна, задрав голову, и считала звезды. Ей не было ни грустно, ни страшно, сердце билось в ожидании необыкновенных приключений, в голове мелькали заголовки местных газет: «Гликерия Коротоножко спасает мир от гоблинов», «Наша Глаша приручила дракона», «Королевство чествует свою героиню». А что в этом мире газет нет – так это дело десятое. Она ведь всего один день тут, еще успеет и газету учредить, и корреспондентов, которые будут снабжать издание сенсационными материалами, набрать, и дело на поток поставить. Если бы одна из звездочек сейчас упала на землю, Глаша загадала бы, чтобы ее пребывание здесь продлилось как можно дольше. Какая глупость – мечтать о возвращении домой подобно десяткам героев фэнтезийных романов, когда судьба дает тебе такой шанс повеселиться, прославиться и попасть

в историю. О том, в какой переплет она может угодить, Гликерия предпочитала не задумываться, беззаботно рассудив, что авось пронесет.

– Вроде обошлось! – доложил Оливье, поднявшись в башню.– Слугам я объяснил, что с Клариссой все в порядке, она жива-невредима и просто срочно отбыла по важным делам в секретном направлении. А ты – ее кузина, прибывшая погостить. К счастью, они в это поверили, успокоились и решили обряд по изгнанию злого духа не проводить.

– Это как? – заинтересовалась Глаша, свысока глядя на маркиза, который оказался ниже ее на целую голову.

– Натаскать к подножию башни хворост и поджечь, – пояснил коротышка.– Они сейчас как раз разбирают завалы. Хворостом половина лестницы завалена.

– Вот затейники! – поразилась Глаша.– Ну спасибо, что отговорил.

– Есть только одно «но».– Он опустил глаза.

– Ну? – строго спросила девушка.

– Они думают, что Кларисса оставила тебя за главную.

– Вот здорово! – обрадовалась Глаша.– Значит, слуги теперь будут мне беспрекословно подчиняться?

– Будут-то они будут, но ты, кажется, не поняла, – прищурился Оливье.– Они уверены, что ты тоже волшебница и в отсутствие Клариссы будешь выполнять ее обязанности.

– Ну и ну, – протянула Глаша.

– Я попытался их убедить в обратном, но они ничего и

слышать не хотят,— развел руками маркиз.— Единственное, что удалось до них донести, так это то, что ты еще совсем неопытная волшебница, ученица Клариссы и не вся магия тебе по силам.

— А Клариссе какая по силам? — ревниво поинтересовалась Глаша.

— Вся,— с гордостью ответил Оливье и уточнил: — Бытовая.

— А именно?

— Лечебная, любовная, косметическая, погодная, защитная, иллюзорная...

— Прорвемся,— повеселела Глаша.— Надеюсь, охотой на вампиров она на досуге не промышляет?

— Охота на вампиров у нас официально запрещена,— просветил ее Оливье.

— Неужели? — удивилась девушка. Такое положение дел категорически выбивалось из ее картины видения фэнтезийного мира.

— Этому закону уже три сотни лет,— добавил маркиз.— Его приняли после того, как принца покусала одна симпатичная вампириша. Король настоял.

— И что же, людьми правил вампир?

— А что такого? — пожал плечами Оливье.— Все правители — кровопийцы. А Кардин по сравнению с другими был еще весьма лояльным правителем. Он был как ни один король близок к народу.— Перехватив недоуменный взгляд Глаши, он добавил: — Кардин не гнушался кровью юных крестьянок,

и за достойную плату родители водили девиц к королю сотнями.

– Он их убивал? – ахнула впечатлительная Гликерия, представляя себе возможные газетные заголовки: «Право первой ночи короля-вампира», «Кровавая оргия во дворце», «Смерть в королевской опочивальне».

– Я свечку не держал, но народ и летописи утверждают, что нет. Кардин не был жестоким вампиром, он питался лишь по необходимости и всегда знал меру. Девицы подставляли свои шеи, отделялись малой кровью и легким головокружением, а их родители получали солидный куш, который тут же делал несчастную жертву королевской жажды завидной невестой в деревне.

– А... – Глаша хотела задать вертящийся на языке вопрос.

– Нет, – с усмешкой ответил Оливье, – для этого ему было достаточно придворных дам, учитывая магическую красоту короля, в них недостатка не было. С помощью крестьянских девушек Кардин лишь утолял голод.

Заголовки в голове Глаши сменились на прямо противоположные: «Птичница Сабрина признана лучшим королевским донором года», «Пастушка Биби раскрывает тайны королевского двора», «Король разбавил свою кровь крестьянской».

– Я утолил твоё любопытство? – насмешливо склонил голову Оливье.

– Весьма, – кивнула Глаша, не решившись признаться в

том, что любопытство ее разгорелось еще сильнее и теперь ей не терпится выбраться за стены замка и посмотреть на все творящиеся чудеса воочию. Если здесь живут вампиры, наверняка и эльфы с гоблинами встречаются! Вот будет о чем подружкам рассказать! Разумеется, если она захочет вернуться домой. А то, может, какой-нибудь прекрасный эльфийский принц с ликом Влада Топалова из «Smash!» или блистательный вампирский князь, по красоте не уступающий Бену Эффлеку, а лучше оба сразу, при виде нее потеряют сон, покой и аппетит, разыщут в пыльной шкатулке кольца любимых прабабушек с тридцатикаратными бриллиантами и сделают ей предложение, не раздумывая ни секунды. Тогда, разумеется, о возвращении домой не может быть и речи.

– Тогда собирайся, – скомандовал Оливье. – Впрочем, насколько я заметил, особого багажа у тебя и нет.

– Что? – удивилась Глаша, бросив недоуменный взгляд на чернильную темноту за окном и отыскав взглядом свой рюкзачок, брошенный рядом с креслом.

– Уж не собралась ли ты ночевать здесь? – скептически поинтересовался он.

– А вай бы и нот? – не осталась в долгу Глаша, торжествуя отметив, как ехидное выражение на лице некрасивого маркиза сменяется растерянным, и, насладившись дивным зрелищем, сжалась и пояснила: – Почему бы, собственно, и нет? Неужто кухня по вашим законам не имеет права за-

ночевать в замке своей любимой сестрицы?

– Такого закона у нас нет, – покорно признал тот. – Но должен тебе сказать, что парочка человек из тех, кто сейчас разбирает завалы хвороста, после нашего разговора активно рвалась наверх, чтобы познакомиться поближе.

– И что тут такого? Думаешь, я им зубы заговорить не смогу? – хмыкнула Глаша, уверенная в своих лицедейских талантах.

– А ты сможешь? – искренне удивился Оливье.

– Делов-то! – беспечно пожала плечами Гликерия.

– Как знаешь. Я хотел как лучше. Переночевала бы у меня в замке, завтра наведались бы к моей тетке, покопались бы в ее библиотеке да разузнали поподробней про двойные перемещения, выяснили бы, как тебе домой вернуться. Но если охота возиться со слугами...

– Не могу дождаться! – из вредности подтвердила Глаша, которой доставляло удовольствие пререкаться с маркизом.

– Тогда я их приглашу? – насмешливо спросил он.

– Сделай милость.

– Ну что ж...

Оливье исчез за дверью и менее чем через минуту явился в сопровождении двух бомжей в заштопанных серых робах. Бомжи были кудлаты, бородаты, обуты в деревянные башмаки, какие Глаша видела только в мультфильмах, и явно не подозревали о существовании «Олд Спайса» и «Хьюго Босса», а потому благоухали соответствующим образом – есте-

ственно и ядрено.

– Хм! – Девушка инстинктивно отступила на шаг назад (а вдруг у них блохи?) и бросила выразительный взгляд на Оливье, который отошел к шкафчику со снадобьями и оттуда, откровенно потешаясь, наблюдал за ее реакцией. Ну уж дудки! Так просто ее не напугаешь!

Взяв себя в руки, Глаша ободряюще улыбнулась нерешительно топтавшимся на месте бомзам. Те, как будто только и ждали этого знака, тут же сиганули вперед и принялись кланяться в ноги, при этом усердствовали так, словно хотели отполировать кончики ее туфель своими нечесаными лохмами. Все бы ничего, да только вместо туфель Глаша была обута в босоножки с тонюсенькими ремешками, и когда гривы бомжей коснулись кожи ее ног, она чуть не взвизгнула – и от неожиданности, и от брезгливости, и от щекотки. Левая нога машинально взбрыкнула и заехала одному из бородачей в лоб, тот крикнул, отлетел на пару шагов назад и схватился за голову. Второй, не дожидаясь удара, отскочил в другую сторону.

– Простите-извините! – испуганно залепетала Глаша.

Бомжи бомжами, но то, что мужики они крепкие и закаленные тяжелыми сельскохозяйственными и бытовыми работами, было видно невооруженным глазом.

– Прошло, – ощупывая голову, признал «раненый в лоб» и уважительно произнес. – Волшебница!

«Издеваются!» – перетрусила Глаша и с надеждой гляну-

ла на маркиза, откровенно забавлявшегося ситуацией. Ну и пусть хихикает, главное, чтобы пришел на помощь, когда бомж ринется сдачи давать.

– Сразу видно – опытная знахарка, – поддержал его товарищ. – С первого взгляда определила, что болит.

«Или не издеваются?» – удивилась она, глядя на раненого, который выпрямился во весь рост и, отвешивая поклоны и бормоча слова благодарности, выкатился из комнаты.

Другой бородач выжидающе пялился на нее, очевидно, тоже ожидая чудесного избавления от тяжелого недуга. То-то Оливье так над ней потешался – она-то всего-навсего хотела познакомиться со слугами и усыпить их подозрительность, а он, гад, знал, что те рвутся к ней со своими болячками, и понял фразу о готовности Глаши заговорить зубы буквально! Судя по раздутой щеке оставшегося бомжа, тот томился как раз этим недугом.

Пока девушка раздумывала, лечится ли воспаление десен ударом в лоб, или этот способ эффективен только в борьбе с мигренью, бомж, тихонько поскуливая от боли, таращился на нее в ожидании чуда. Гликерия бросила вопрошающий взор на Оливье, подпирающего шкаф: мол, среди этих склянок ничего подходящего нет? Но тот только пожал плечами – очевидно, зубную боль всемогущая Кларисса лечила одним наложением рук. Но Глашу бросало в дрожь при одной мысли о том, что придется прикоснуться к этому немытому бродяге своими наманикюренными пальчиками. Бомжу тем

временем стало совсем неспособно: издав громкий стон, он подскочил к «опытной знахарке» и, раззявив рот, обдал ее ароматом десяти оставшихся гнилых зубов, никогда не знавших «Орбита» и «Блендамеда».

– А вы не пробовали полоскать содой? – пролепетала Глаша, пошатнувшись от подступившей к горлу дурноты.

– Держи, дружище! – Оливье решил-таки поучаствовать в исцелении больного и протянул жертве кариеса какой-то красный пузырек.

Бомж с радостным воем вцепился в склянку и умчался вон.

– А говорил, что нету лекарства, – слабым голосом укорила его бледная Глаша, приходя в себя.

– А это не лекарство, а ароматная вода для тела. В ее основе – спиртовая настойка, – перехватив ее недоуменный взгляд, пояснил маркиз. – Так что на пару часов она боль заглушит, а там... – Он красноречиво замолчал.

– Поехали! – решительно заявила Гликерия.

Кто бы мог подумать, что быть волшебницей так... омерзительно!

Оливье одобрительно хмыкнул и, подойдя к сундуку, стоявшему в углу, выудил оттуда длинный черный плащ с капюшоном.

– И что, часто Клариссе приходится заниматься подобным лечением? – спросила она, без пререканий заворачиваясь в хламиду. Не разгуливать же, в самом деле, ночью по незна-

комому королевству в одном летнем платье! И то хорошо, что для исполнения монолога принцессы Мален она с утра обрядилась в самое длинное и целомудренное из своих платьев. А все равно маркиз со смущением отводит глаза от ее щиколоток. Страшно даже представить реакцию средневекового аристократа, предстань она его взору в своем любимом облегающем сарафанчике на тонких бретельках и с – о ужас, ужас! – голыми коленками. Плащ, на удивление, оказался подходящего размера: был свободным, но не чересчур широким, в длину, правда, оказался коротковат и доходил лишь до середины икры, так что щиколотки продолжили дразнить маркиза своей вопиющей наготой и дальше.

– Каждый день, – ответил на ее вопрос Оливье.

– Но Кларисса вроде главная волшебница королевства! Когда же она успевает заговаривать зубы всем желающим?

– Знахарок в королевстве полно, в каждом селе и деревне есть своя умелица, – пояснил маркиз. – Кларисса лечит только своих слуг и важных персон вроде дяди короля или няни принцессы. Ну и, по доброте своей, еще принимает всех людей с особо тяжелыми случаями, которым никто помочь не может. У нее особенная магия, с какой не сравнится ни одна знахарка, – с гордостью добавил он. – Вот почему все простолюдины королевства мечтают поступить к ней на службу.

«И вот почему мне побыстрее надо отсюда сматываться, – добавила про себя Глаша. – Но куда? И с кем? С этим хоббитом?» Она критически глянула на Оливье, едва доставав-

шего ей до плеча. Он, конечно, умен, в меру ироничен и готов ей помогать, но на спутника главной героини категорически не тянет. Будь сама Глаша пониже ростом сантиметров на двадцать да разделяй она мнение о том, что настоящий мужчина должен быть чуть красивее обезьяны, согласно которому Жерар Депардьё, Адриано Челентано и Бен Стиллер – мужчины хоть куда, она бы, может, на маркиза с именем салата и польстилась. Но Глаша пребывала в том возрасте, когда девушки увлекаются смазливой внешностью и в последнюю очередь обращают внимание на личные качества. А значит, у некрасивого Оливье не было никаких шансов завоевать ее сердце. Кроме того, по всем законам жанра это ему положено влюбиться в нее с первого взгляда, а вместо этого его глаза загораются только при упоминании имени Клариссы (вот бы поглядеть на эту королеву красоты и волшебства в одном флаконе!), а саму Глашу он воспринимает как непутевую младшую сестричку – не больше.

Оливье ее мыслей читать не умел, а потому ответил только на первый вопрос.

– Сейчас – в мой замок. А завтра съездим к моей тетке. Она очень дружна с Клариссой, и у нее самая богатая библиотека магических книг в Кукуе.

– Где? – поразилась Глаша.

– В Кукуе. Так называется наше королевство, – с гордостью пояснил Оливье.

– Нет, это не фэнтези, а просто какое-то издевательство, –

пробормотала девушка.

Только сумасшедшему автору в страшном сне может присниться королевство под названием Кукуй, в которое попадает героиня по имени Гликерия Коротыножко и где первым, кого она встречает, оказывается маркиз с фамилией Беруши и с именем Оливье, который ниже ее на целую голову! Что же дальше-то будет? «Даже представить страшно», – ужаснулась Глаша, спускаясь по лестнице вслед за своим спутником.

Слугам, которые продолжали разбирать хворост на лестнице (это сколько ж его натаскали-то!) и с любопытством уставились на них, Оливье объяснил, что кухню Клариссы срочно ждут во дворце. Те не посмели роптать и пропустили их с миром. Хотя Глаша уже представляла себе, как жертвы кариеса и мученики гастрита запрут ее в башне, возьмут в заложники и заставят до скончания жизни исцелять свои болячки. Если бы она еще умела это делать! Вот ведь гадство! Ну почему, почему при перемещении в мирах ей не досталось никакого, хоть самого элементарного магического дара? Она уж не рассчитывала на левитацию или материализацию желаний одним щелчком пальцев, но хотя бы умение разжигать огонь усилием мысли или двигать предметы ей бы весьма пригодилось. Ведь в отсталом королевстве даже зажигалок нет!

«А ты думала, в сказку попала?» – съязвил внутренний голос.

Хм, интересно, а сюжетом ее приключений предусмотре-

ны встречи со сказочными персонажами? «А как же! Людоеды, маньяки-многоженцы с нетрадиционного цвета бородой, кровожадные оборотни и злобные ведьмы уже ждут тебя с распростертыми объятиями»,— подхватил вредный голос.

«Заткнись, противный»,— устало велела Глаша, вслед за маркизом выходя во двор.

— Надеюсь, на метле летать не придется? — с нервным смешком поинтересовалась она, оглядываясь по сторонам в поисках средства передвижения.

— Как захочешь,— просто ответил Оливье.— Кларисса, например, этого не одобряет. Она предпочитает ездить в карете.

При упоминании кареты перед внутренним взором Глаши пронеслись картины золоченого экипажа из мультфильма про Золушку, и она аж зажмурилась от предвкушения такой сказочной поездки. На метле тоже надо попробовать полетать,— само собой! — если только метлы здесь уже заряжены магией и от нее особых умений не потребуется. Но сперва — карета!

Радостный бомж, тот самый, которого Глаша чудесным образом исцелила от головной боли, услышав команду Оливье, быстро умчался куда-то за угол, и не прошло пяти минут, как он, одетый в парадную синюю ливрею, восседая впереди красивой, щедро украшенной завитушками кареты, «вырулил» из-за угла и остановил тройку разномастных лошадей у парадного входа.

Карета ожидания Гликерии оправдала, а вот поездка в ней – нет. За час и двадцать три минуты езды (Глаша засекала, а Оливье при этом с любопытством косился на ее стильные часики) она получила столько шишек и синяков, сколько за все детство не насобираала. На кочках экипаж подскакивал так, что девушка билась лбом о крышу, на поворотах его заносило в сторону так круто, что к побитому лбу прибавились содранные локти и коленки, не говоря уже о той части тела, которая в первую очередь страдает от поиска приключений. Пока Глашу бросало из стороны в сторону в карете, как одну-единственную кильку в консервной банке, и отчаянно мутило, Оливье от души наслаждался поездкой, гарцуя на своей рыжей, с белым пятнышком на лбу, лошадке по кличке Звездочка.

В конце пути их ожидал замок, очертаниями напоминавший корону. Это единственное, что смогла разглядеть Глаша в окончательно сгустившихся сумерках. Слуги, отпиравшие ворота, встретили их весьма настороженно. Они уже были наслышаны о низвержении Клариссы более сильной ведьмой, и когда хозяин умчался в замок волшебницы спасать невесту, а явился с незнакомой девицей под руку, выглядело это весьма подозрительно. Не желая впускать колдунью в свой дом и опасаясь, что хозяин подпал под ее чары, они даже вынудили маркиза пройти унижительное испытание: попрыгать поочередно на одной ножке и спеть фамиль-

ный гимн от начала до конца. Оливье только рассмеялся, как трезвый водитель, которого вредный гаишник заставляет идти по черте и трогать себя за нос, но нелепым требованиям подчинился. Саму же Глашу подозрительные слуги сперва опрыскали какой-то грязной, дурно пахнущей водицей, а потом заставили ее надеть ожерелье из каких-то сушеных ягод.

— Лучше подчиниться,— со смешком посоветовал Оливье, когда Гликерия попыталась воспротивиться сомнительной чести носить на себе сморщенные «рябиновые бусы». — Только не вздумай их есть! — строго предупредил он.

— Вот еще, охота тянуть в рот всякую гадость! — передернула плечами Глаша. — И к тому же наверняка кишашую бактериями!

— Чудно говоришь,— усмехнулся маркиз и с достоинством добавил: — Только тебе не стоит ничего бояться — в моем замке ни бактерий, ни блох, ни тараканов с пауками, ни крыс не водится.

— Э нет,— заартачилась Глаша, остановившись, не доходя до крыльца. — Так не пойдет. Раз уж и крысы сбежали, значит, совсем тут у тебя гиблое место. Или радиация зашкаливает, или, того и гляди, потоп грянет, а то и землетрясение с цунами в придачу! Или вези меня к тете, или возвращай обратно в замок Клариссы. В этот дом, откуда слиняли даже мыши с тараканами, я ни ногой! Ну на крайний случай,— она глянула на чернильные сумерки, в которых без света фонаря было не разглядеть даже ограды замка,— поставь мне палат-

ку. И лучше за стенами. Да не забудь приставить парочку, а то и пятерку лучших воинов.

— А это еще зачем? — едва сдерживая смех, поинтересовался Оливье.

— Как зачем? Палатку за стены — на тот случай, если эта гиблая аномалия распространяется на всю территорию замка,— охотно пояснила Глаша.

— На всю,— с улыбкой подтвердил хозяин аномальных владений.

— Вот-вот! Моя интуиция меня не подвела! — радостно откликнулась Гликерия и продолжила: — А охрану, чтобы отгоняла от меня вампиров, оборотней, гоблинов, лесных духов, гномов, эльфов и прочую нечисть. Впрочем,— добавила она,— если вдруг эльфы мужского рода будут проявлять особую настойчивость в желании скоротать ночь за беседой с такой очаровательной особой, как я, думаю, для них можно будет сделать исключение. Да и на настоящего вампира было бы интересно хоть одним глазком издалека глянуть...

— Что-то мне подсказывает, что такая возможность тебе представится, и не раз,— ухмыльнулся Оливье.— Чего не скажешь об эльфах. Вынужден тебя разочаровать, но их в наших лесах не водится. Так же как в полях, лугах, городах и замках. Встречаются они исключительно в старинных легендах, из чего, боюсь, можно сделать вывод, что к нашему времени они вымерли.

На лице Глаши отчетливо отразилось разочарование впе-

ремешку с сожалением.

– Та же история с гномами и гоблинами,— спокойно сообщил маркиз, вдребезги разбив еще одну надежду своей гостыи.

– А как насчет лесных духов?

– Если вздумаешь гулять в лесу после полуночи, у тебя есть все шансы с ними познакомиться,— заверил Оливье.— И никакая охрана тебя не спасет, обуздать их дикий нрав можно только с помощью магии. Ну и само собой разумеется, что за пределами замка заклинание от комаров и мошкары не действует.

– А при чем тут комары? – недоуменно поинтересовалась Глаша.

– А ты каких лесных духов имела в виду? – не менее удивленно уточнил Оливье.

– Ладно, проехали,— махнула рукой вконец растерянная девушка.

– Теперь по поводу отсутствия крыс и прочих вредителей... Никакая это не аномалия, на то есть вполне прозаические причины.

– Что, есть совсем нечего? Все сбежали искать более радужных хозяев? – съязвила неудавшаяся журналистка, почуввав сенсацию.

– Почему же нечего? Просто вся территория замка, включая все жилые постройки, заговорена от подобных созданий.

– Кларисса постаралась? – с уважением спросила Глаша.

— Для Клариссы это слишком мелкое занятие,— не без гордости сообщил потомственный аристократ.— Такими хозяйственными заклинаниями занимаются в основном деревенские ведуньи. У каждой своя специализация. Кроме того, многим по наследству передаются особые заклинания, которые они хранят в строгом секрете, чтобы не создавать себе конкурентов. Так, например, мой замок заговаривала Брунелла, и теперь мы защищены от всех видов вредителей и насекомых на целый год. Это одно из самых дорогостоящих заклинаний. А другие ведуньи предлагают отдельные заклинания жилищ от комаров, от тараканов, от мышей и грызунов, от мух и блох.

Глаша наострила ушки и внимательно глянула на местный фонарь, украшавший крыльцо — банку, в которой весело подрагивал огонек свечи. Тоненького комариного звона, так же как и самих комаров или мушек, не обнаружилось. Лишь парочка бледных ночных бабочек билась тонкими крылышками о стекло, пытаясь преодолеть незримую преграду и коснуться завораживающего света.

Оливье перехватил ее взгляд и добавил:

— В моем замке можно встретить только бабочек. Заклинание Брунеллы тем и хорошо, что, отпугивая всех вредных созданий, оно притягивает бабочек и мотыльков, так что днем во дворе кружатся целые стайки этих оживших цветов,— неожиданно поэтично завершил он.

В пламени свечи его лицо даже показалось девушке оду-

хотворенным и чуточку привлекательным, а взгляд, устремленный мимо нее, нежным и романтическим.

«Что ж, по крайней мере, он не урод»,— вздохнула про себя Глаша, которой было трудно смириться с тем, что ее спутник не клон мужчин — моделей из рекламы «Хьюго Босс» и не конкурент знаменитым красавцам. И все-таки ее весьма удручал тот факт, что со стороны они с маркизом смотрятся как экс-кабаре-дуэт «Академия».

«Скажи спасибо, что хоть он с тобой возится»,— шепнул внутренний голос.

И то правда, признала Гликерия, а то что бы она сейчас делала в чужом мире посреди недружелюбно настроенных крестьян, принимающих ее за злую колдунью?

И она с благодарностью взглянула на своего спутника, распоряжавшегося, чтобы для нее подготовили гостевую комнату.

* * *

— Лара, как ты не понимаешь,— втолковывала по дороге Настасья.— Нельзя пользоваться амулетом перемещений по первой же своей прихоти, и тем более запрещено переноситься с его помощью в людные места, потому что тогда может сработать Закон парных перемещений!

— Какой закон? — удивленно переспросила ее подруга.

— Лариса,— простонала Настя.— Ты не можешь этого не

знать! Мы это еще в школе проходили, в курсе безопасности магической деятельности! Кроме того, этот пункт ясно прописан в нашем кодексе, который всем выдают перед транспортировкой в другие миры. Ты что, за три года его ни разу не удосужилась открыть?!

Понурый взгляд Ларисы был ей ответом. Память подкинула волшебнице какое-то смутное воспоминание о давнишней лекции по БМД, но тогда она, вероятно, была занята более интересными вещами и пропустила мимо ушей перечень правил и предостережений, которые бубнил себе под нос седой маг. А сегодня утром, когда ее организм взбунтовался против отсутствия шоколада, ей даже и в голову не пришло, что в ее перемещении может быть что-то противозаконное. К тому же Настя была совершенно права: Магический кодекс она раскрывала только затем, чтобы вложить между страниц обертки конфет...

– Ты его не читала? – поразилась Настасья. – Ну Лара, как же так можно!

– Виновата, исправлюсь, – пробормотала горе-волшебница.

– Если еще не поздно! Ладно, чего сейчас гадать, надо поставить в известность коллегию, а там уже видно будет...

– Не надо коллегии, – перебила ее испуганная Лариса. – Если ты говоришь, что это не по правилам и комиссия этого не одобрит, то мне, пожалуй, лучше вернуться.

– Вольская, – строго спросила Настя, глядя, как Лара те-

ребит в руках серебристый кулон и жмурит глаза,— ты что там делаешь?

— Не получается! — в отчаянии прошептала подруга, глядя на нее широко раскрытыми глазищами.— Я не могу вернуться в Кукуй!

— Да, плохо дело,— мрачно констатировала Настасья.— Значит, закон сработал.

— Ты о чем? — замерла Лариса.

— О том, что кто-то попал вместо тебя в Кукуй, дурья твоя башка,— в сердцах сказала любовная фея.— Нужно срочно предупредить магистров.

В здании коллегии, куда силком притащила подругу Настя, уже не было ни души, кроме хмурого сторожа.

— А чего ты хотела? — не преминула вставить Лариса.— Время-то уже половина восьмого!

— Ничего, оставим записку Грозину, а завтра приедем к открытию, когда все будут на месте.

— А ты-то со мной зачем пойдешь? — удивилась провинившаяся волшебница.

— Чтобы удостовериться, что ты доедешь, а не сбежишь в кино, например,— строго глянула на нее Настя.

— Ну не такая уж я и безответственная,— пробурчала Лариса.

— Что-то я в этом серьезно сомневаюсь. Особенно после того, что ты отчебучила сегодня,— проворчала Настя, вынимая из сумочки блокнот и ручку.

Лариса улыбнулась себе под нос, вспомнив, как в годы учебы среды студенток ходила легенда: мол, сумка у Настёны не простая, а самая что ни на есть бездонная, волшебным образом заговоренная. Иначе как объяснить, что у Насти с собой всегда была масса необходимых вещей: и пластырь, и ножницы, и пилочка для ногтей, и щипчики для заусениц, и запасные колготки в новой упаковке, и несколько пачек бумажных платочков, и щеточка для одежды, и губка для обуви, и разноцветные нитки с иглой. Не говоря уже о тетрадках, учебниках и запасных ручках, которые аккуратная Настасья всегда носила с собой. В то время как большинство студентов, в том числе и сама Лариса, предпочитали делать записи на отдельных листочках и только на время сессии разбирали их по предметам и скрепляли в обложки с зажимами, у Насти для каждого предмета была своя толстая тетрадь, куда она кропотливо записывала каждую лекцию. Все эти кирпичи она усердно таскала с собой вместе с массой других вещей, какие ни одной девушке не пришлось бы в голову носить в своей сумочке. Однажды у Настасьи нашлись даже батарейки для фотоаппарата, карманный фонарик, суперклей и изолента! И все это каким-то чудесным образом умещалось в ее самой обычной по виду сумочке, отнюдь не похожей по размеру на чемодан.

Улыбка Ларисы была вызвана и тем, что она представила, как Настя, устроив случайное уличное знакомство двух потенциальных половинок и видя, как те безуспешно ищут, где

бы записать номера телефонов друг друга, приходит на помощь, протягивая блокнот и ручку. И терпеливо дожидается, пока подопечные обменяются номерами телефонов, чтобы затем, с чувством выполненного долга и сознанием того, что сделала все от нее зависящее, заняться устройством личной жизни следующей парочки одиночек.

Настя тем временем закончила писать, вырвала страничку из блокнота и протянула ее сторожу.

— Ну все,— выходя на улицу, сказала она,— все, что мы могли, мы сделали. Теперь остается ждать завтрашнего утра. А пока потопали в метро да поехали ко мне.

— А я тебе не помешаю? — заглядывая ей в лицо, спросила Лара.— Ты же мне так и не сказала ничего о себе... Вдруг у тебя семья, дети?

— Какие дети! — округлила глаза Настасья и прибавила шаг.— Я ведущий специалист отдела любовной магии и пашу на двух работах, не считая того, что рабочий день у меня ненормированный, и даже выходя из офиса, я продолжаю нести свою службу на благо влюбленных. Какая тут может быть семья? Какая личная жизнь?

Лариса с удивлением глянула на подругу. Как всегда, сапожник без сапог, любовная фея без любви.

— Вольская,— строго сказала Настя, перехватив ее взгляд,— и не вздумай меня жалеть! Мне, между прочим, всего двадцать три года, как и тебе. Это в твоём Темноземье этот возраст считается критическим для незамужней девицы, а

в тридцать уже пора выходить на пенсию, потому что кожа после белил сохнет, зубы, не знавшие стоматолога, разваливаются, а волосы, которые все время прячут под париками, выпадают пучками...

Лариса хотела было возразить, что в Кукуе парики не носят, зубы деревенские старушки заговаривают так, что и в семьдесят лет можно безо всяких опасений орехи щелкать, а одна придворная ведунья научилась делать такой отвар для отбеливания зубов, что ни один современный метод по эффективности и безопасности с ним не сравнится, да и белила делают не из свинца, а из особого раствора глины со сливками, но решила отложить опровержение подружкиных заблуждений на потом.

– А в Москве в этом возрасте принято наслаждаться свободной жизнью, строить карьеру и не забивать голову мыслями о замужестве, потому что для смены памперсов и стирки носков еще вся жизнь впереди, – на одном дыхании выпалила Настя.

– И это говорит ведущий специалист по любовной магии! – покачала головой Лара. – Памперсы и грязные носки – хорошие же у тебя представления о супружестве.

– Вольская!!!

– Да ладно-ладно, не кипятись. Признаю, я язва, ехидна и – кто там еще? – а, заноза! Насть, чего ты так бесишься-то?

– А того, – устало отозвалась та, – что у меня контракт! И по нему я не имею права выходить замуж, пока не отпашу

свои семь лет на службе у коллегии.

– Серьезно?! – удивилась Лариса.

– Только не надо из себя дурочку строить, – огрызнулась Настасья. – У тебя в контракте то же самое написано. У всех выпускников стандартные договоры, только сроком различаются.

«Ну надо же!» – удивилась Лариса, даже не подозревавшая о существовании подобного пункта в своем договоре с коллегией.

– Это тебе еще повезло, что ты в свое далекое-далекое королевство попала и тебе всего пять лет дали, – продолжила Настя.

«Да уж, повезло так повезло», – помрачнела Лариса. И жених у нее там имеется, вот только свадьбе не бывать. Не может идти и речи о том, чтобы она навсегда осталась в Кукуе или маркиз отправился вместе с ней в Москву.

– Ксюшке за то, что ее, можно сказать, в горячую точку направили, стажировку до трех лет урезали, – добавила тем временем Настя, – а мне из-за того, что в родном городе оставили, семь лет назначили. Ну где справедливость, а?

– Погоди, так Ксюшка уже свой срок отработала? – оживилась Лара. – Она же, получается, вернуться должна!

– Ну конечно, – уже спокойно произнесла ее подруга, видимо устыдившись своего эмоционального всплеска, – вернулась. Еще на той неделе. Как раз было три года с окончания школы, и через два дня она мне позвонила. Она сейчас к

родителям в Ялту поехала, а как вернется, мы договорились встретиться.

— Здорово! Если повезет, еще и Ксению повидать,— обрадовалась Лариса.

— Лара! — закатила глаза Настасья.— Я тебе поражаюсь! Я бы на твоём месте молилась всем богам, духам и стихиям Москвы и Кукуя, чтобы амулет скорей заработал и ты вернулась обратно. А ты о чём думаешь?

До дома Насти они добрались уже около десяти вечера. Лара валилась с ног от усталости, потому что привыкла вставать в Кукуе на рассвете, и в это время уже давно видела сны. Поэтому этим вечером девушкам больше поговорить не удалось. Настасья быстро постелила постель, и Лариса уснула сном младенца. Завтра её ждал серьёзный разбор полётов...

* * *

— Это произвол! — лютовал председатель Чрезвычайного комитета по несанкционированным перемещениям, магистр Бессмертин на следующее утро.

Лариса стояла перед советом ученых волшебников, опустив голову и едва осознавая масштабы произошедшей трагедии. Надо же ей было переместиться именно в многолюдный ГУМ! В тот момент и сработал роковой Закон парных перемещений. Согласно ему, если в поле действия амулета в пункте прибытия попадает любой другой человек, то он пе-

реносится в то место, из которого амулет был активирован. А значит, когда Лариса попала из средневекового Кукуя в современную Москву, кто-то из посетителей универсама, оказавшийся поблизости от места портала, угодил прямиком в отсталое королевство. Да не кто-нибудь, а какая-то сопливая школьница семнадцати лет от роду и без капли магических способностей в придачу. (Вездесущие магистры уже успели сунуть нос в Кукуй и установить ее личность.) И угодила эта Глаша не куда-нибудь, а в кабинет главной волшебницы королевства!

– Вы не могли этого не знать, Лариса, – продолжал корить ее Бессмертин. – Это написано в Магическом кодексе!

Лара только голову ниже опустила. Ну кто же знал, что это так важно?

– Вот почему любые перемещения необходимо согласовывать с коллегией магов!

– Но у меня не было связи с коллегией, – понуро возразила Лариса.

Это они могли наблюдать за ее практикой, а у нее возможности обратной связи не было. Вот и за Глашей этой старшие волшебники могли проследить только на расстоянии, а установить с ней контакт было невозможно. Да и в ближайшие часы девушка должна была пропасть из вида магистров: это за выпускниками школы они могли наблюдать годами за счет обмена магией, а раз у Глаши особых способностей нет, то даже эта хрупкая односторонняя связь будет утеряна. Сейчас

она поддерживается только за счет выброса энергии при активации амулета, но это еще час-два, а потом – полная неизвестность.

– Поэтому вы должны были быть особенно осторожны при перемещении и вам надо было выбрать для своего прибытия место, исключаящее нахождение там людей,– строго заметил магистр.

«Интересно, где это в Москве такое место можно найти?»– не удержалась от ухмылки Лара.

– Лариса, вам смешно? Вы можете себе представить, что там сейчас происходит? Народ в панике! Он уверен, что вы погибли в неравном поединке с колдуньей, решившей занять ваше место! А каково сейчас бедной девочке?

– Магистр,– виновато пролепетала Лариса,– я немедленно вернусь туда и все исправлю. Позвольте мне отправиться обратно?

– Ох Лариса! – Бессмертин устало откинулся в кресле.– Вы свою часть бед уже натворили и бессильны что-либо изменить. Ваш амулет больше не работает.

– А портал? – воскликнула она.– Портал, с помощью которого я попала в королевство? Разве нельзя воспользоваться им?

– Нет, Магический кодекс вы все-таки не читали,– ехидно вставила Маргарита Альбертовна, заведующая кафедры стихийной магии, отчего-то страшно невзлюбившая Ларису еще со школы.– Иначе бы знали, что, согласно Закону ма-

гического равновесия, в одном мире в одно время не может находиться больше одного иномирца.

– Да, это так, – признал Бессмертин и добавил: – Порталы настроены с учетом этого закона, и воспользоваться ими теперь невозможно. Вы попадете в Кукуй только тогда, когда новаявленная волшебница найдет способ вернуться в наш мир. Таково второе следствие Закона волшебного равновесия. Потом ваш амулет снова обретет силу, и вы, отработав оставшуюся часть практики, сможете активировать его, чтобы вернуться домой.

– А если у нее не получится? – растерянно прошептала Лариса. – Что, если она там погибнет?

– Тогда вы никогда не сможете вернуться в Кукуй и можете лишиться права магической деятельности, – злоратно сообщила Маргарита.

Из зала заседаний Лариса Вольская вышла как в полусне. Она не могла простить себе того, что из-за своей прихоти подвергла опасности жизнь неповинной девушки, оставила королевство без надзора. И даже боялась подумать о том, что больше никогда не увидит Оливье.

– Ну что? – кинулась к ней Настя, терпеливо дожидавшаяся в коридоре все два часа, пока подругу мурыжила Чрезвычайная комиссия.

– Поздно... – опустила голову Лара. – Я пока остаюсь.

– Ну не переживай, – обняла ее Настасья. – Все образуется.

– Вопрос только в том, как быстро и как именно, – усмех-

нулась волшебница.

Теперь все зависит только от девчонки, попавшей на ее место. Вот только неизвестно, захочет ли она возвращаться назад. Бессмертин объяснил, что в первую минуту перемещения у Глаши был шанс вернуться. Если бы она не поверила своим глазам, если бы испугалась и отчаянно захотела снова оказаться в родной обстановке, посчитав произошедшее с ней наваждением, так бы и случилось. Природная магия желания сильнее искусственной магии амулета. Девушка вернулась бы в ГУМ и решила, что стены старого замка ей померещились, а Лариса, вновь очутившись в замке, поняла, что что-то не так, и не стала бы пользоваться амулетом. А там, глядишь, вспомнила бы о пропущенной мимо ушей лекции и внимательнейшим образом ознакомилась бы с Магическим кодексом да изучила все нюансы перемещения. Вот только Глаша осталась в ее замке и возвращаться не захотела...

Надо же было именно этой авантюристке оказаться поблизости от места дислокации Ларисы! Теперь ее судьба в руках этой непутевой школьницы. Даже магистры в этой ситуации бессильны. Вся надежда только на сновидческую магию. Бессмертин объяснил, что парное перемещение связало девушек особой связью, и передал Ларисе фотографию Глаши и отпечаток ее ауры, чтобы волшебница смогла связаться с ней посредством сна.

– А это поможет? – спросила Настя, когда Лариса коротко

обрисовала ей ситуацию.

– Несильно. Что я могу сделать во сне? Только успокоить, дать пару советов, как себя вести, да разузнать последние новости.

– Бедная девочка, – покачала головой сердобольная Настасья, – каково ей там сейчас? У вас же там не тихая Вретань с уровнем чудовищной активности ноль-пять, не заповедная Гримландия, где живут сплошь дружелюбные Белоснежки и безобидные Мальчики-с-пальчики, и не Фуранция с полным отсутствием магии, которая ничем не отличается от нашей средневековой Европы. Я узнавала, когда тебя отправили, и даже все параметры себе выписала. До сих пор помню: чудовищная активность за восьмерку зашкаливает, одних видов нечисти больше двух десятков, магией владеет до тридцати процентов населения! Это же почти каждый третий! И каково там будет бедняжке, которая чудеса и монстров только в кино видела?

– Скажешь тоже – каждый третий! – возмущенно фыркнула Лариса. – Да чего там у них этой магии-то? Только зубы заговорить да чирей вылечить – на большее и не способны. Думаешь, чего они ко мне тогда со всего королевства бежали? И ладно бы только за волшебством, так я им и служба доверия, и психологическая консультация, и детективное бюро, и охранный агент в одном лице. Легко мне было, что ли? Вот и сорвалась, сбежала, не спросившись... Настя, не сыпь мне соль на перец, – взмолилась она, повесив го-

лову,— мне и так сейчас нелегко. И еще хуже оттого, что исправить ничего не могу, остается сидеть сложа руки, точнее, выполнять это дурацкое задание в качестве наказания, а в моей ситуации это как мертвому припарки.

— А что за задание? — заинтересовалась Настя.

— Да балду буду гонять,— раздраженно ответила волшебница.— Раз я подвергла опасности жизнь этой Глаши, мне теперь предстоит искупить свою вину, взяв под опеку какую-то неудачницу и, пока я здесь, постараться изменить ее жизнь к лучшему.

— А это каким-то образом ускорит твое возвращение в Кукуй?

— Если бы,— вздохнула Лариса.— Это мне просто урок на будущее да работа на то время, пока я буду тут болтаться.

— А какие вообще шансы на возвращение Глаши? Что магистры говорят? Может, ей удастся найти там второй амулет перемещений?

— Ты такая взрослая, Настасья, а все в Деда Мороза веришь,— вздохнула Лариса.

— А чего бы мне в него не верить, если теперь я знаю, что Дедами, помимо студентов и актеров, подрабатывают самые настоящие волшебники? — хмыкнула Настя.— Даже наши профессора не гнушаются нацепить бороду и красную шапку и исполнить заветное желание какого-нибудь особо отличившегося ребенка. Так есть такая возможность, что в Кукуе есть другой амулет?

– Ты прекрасно знаешь, что амулеты выдаются только выпускникам школы, которых распределяют в другие миры. И каждый из амулетов настроен на своего хозяина, так что больше никто не может воспользоваться им и нарушить равновесие пространства и времени. Да и что толку, даже если бы это было возможно? Других выпускников школы в Кукуе нет.

– А как насчет местных артефактов и старинных амулетов? – предположила Настасья.

– Никогда о таких не слышала, – покачала головой волшебница.

– Но это же не значит, что их нет! – оптимистично предположила любовная фея.

– Да, вероятность найти амулет в Кукуе – пятьдесят процентов. Или найдешь, или нет. Это как с мамонтами на улицах Москвы, – скептически заметила Лариса.

– Ну ладно, – приободрила ее Настя. – Не кисни, Ларчик! Ты сейчас куда?

– Мне надо сперва Грозина дожидаться, он мне имя моей подопечной объявит. Они там сейчас как раз совещаются на этот счет, выбирают королеву неудачниц, – ухмыльнулась Лариса. – Потом в отдел кадров зайду, дополнительное соглашение к договору оформить, и в архив – справку на мою подзащитную получить. С завтрашнего дня беру ее под свое крылышко. А сегодня придется с бумажками повозиться.

– Ну ладно, удачи тебе, а я на работу побежала, и так уже

с тобой задержалась. Дома буду часикам к шести. А ты?

– Я тоже не раньше. Если время останется, по Москве погуляю.

– Ну смотри, допоздна не загуливайся, домой приезжай. Я тебе сейчас адрес запишу на всякий случай, чтобы ты не заблудилась.

Настя черканула пару строчек в блокноте, выдернула страничку и протянула ее подруге:

– Прочитай... Все понятно?

Та машинально скосила глаза на адрес, выведенный каллиграфическим почерком, какой в пору в музее демонстрировать, и кивнула:

– Понятно.

– Тогда я пойду, а ты, как закончишь все свои дела, приезжай.

Настя направилась к выходу, а Лариса осталась ждать конца совещания и решения комиссии. Черная кошка Нюська прыгнула с подоконника, где она грелась на солнышке, и, подойдя к девушке, стала тереться об ее ноги. Во время учебного года кошка, бывшая всеобщей любимицей, жила в школе, а когда школа после выпускных экзаменов закрывалась на каникулы, Нюська перебиралась в соседнее здание колледжи. Лара взяла кошку на руки, и та благодарно заурчала, но при этом ее уши настороженно дергались, словно Нюська прислушивалась к тому, что происходит в аудитории. И неудивительно, из-за двери доносились громкие голоса, уче-

ные мужи и единственная дама спорили. Причем дама, стервозная Маргарита Альбертовна, деликатно говоря, что-то горячо доказывала, а говоря честно – пронзительно визжала. Да так, что проходившие мимо трое молодых волшебников, видимо, недавние выпускники, прибывшие на распределение, изменились в лице, испуганно переглянулись и обменялись сочувствующими взглядами с Ларисой, ожидавшей своей участи возле аудитории и рассеянно поглаживающей кошку.

Долго ждать не пришлось. Вскоре визг Маргариты утих, вероятно, возвещая о достижении консенсуса, затем двери зала распахнулись. Первыми его покинули эксперты по иномирию Травинский и Кошкин, не удостоившие Ларису даже взгляда. Следом появились председатель Бессмертин и ведьма Маргарита. Первый посмотрел на Ларису с жалостью, вторая – с плохо скрываемым злорадством, но заговорить с ней они тоже не желали. Последним вышел Иван Романович Грозин, непосредственный куратор их потока.

Разомлевшая в руках Ларисы Нюска выпустила когти, кубарем скатилась на пол и ускакала обратно на подоконник. Кажется, кошка в школе была единственной особой женского пола, которая не испытывала симпатии к обаятельному профессору. В Ивана Романовича были влюблены все первокурсницы, и не они одни. Преподавательницы-волшебницы тоже вздыхали по неотразимому Ивану-царевичу, как его за глаза называли в школе. Если бы Иван Грозин решил стать

актером, его амплуа не ограничилось бы ролями благородных красавцев вроде мушкетера Атоса или графа Андрея Болконского. Он с равным успехом мог бы сыграть и ироничного эстета лорда Генри, наставника Дориана Грея, и проницательного сыщика Холмса, и надменного аристократа Дарси, и любимца женщин Казанову, и разочарованного одиночку Печорина. Этот высокий худощавый блондин лет сорока, с теплой мальчишеской улыбкой и искрящимися светло-кариыми, как карамель, глазами, был красив той редкой породистой красотой, которая с первого взгляда заставляла трепетать женские сердца и внушала симпатию мужчинам. Ходили слухи, что внешний вид Грозина – дорогостоящая иллюзия, наложенная одним из магов, которую Ивану Романовичу приходится обновлять каждый год. Впрочем, в их школе каких только слухов не ходило! И что Маргарита – правнучка той самой Маргариты, и что Бессмертин владеет секретом вечной жизни, и что кошка Нюска – реинкарнация прежней директрисы, погибшей при загадочных обстоятельствах...

– Ну что, Вольская, натворила ты дел! – покачал головой Грозин, строго глядя на нее. Когда Иван-царевич по-отечески журил своих подопечных, он всегда обращался к ним на «ты», а как только сменял гнев на милость, вновь переходил на уважительное «вы».

– Иван Романович... – сконфуженно пролепетала Лариса.

– Ну ладно, ладно, вижу – сама не рада, – мягко остановил ее он. – Вот что, Лариса, ситуация немного усложнилась. Ты

должна пообещать мне, что приложишь все усилия, чтобы оправдать мои надежды и справиться с этим заданием. Маргарита Альбертовна настояла, чтобы оно стало для тебя не только наказанием, но и испытанием на магическую пригодность. Я был против, но ей удалось убедить в этом остальных.

– Иван Романович, я не совсем понимаю...

– Проще говоря, если ты не справишься, тебя исключат из коллегии и лишат права вести магическую деятельность, – развел руками профессор. – Но ведь этого не случится, правда?

Лариса была просто оглушена свалившимся на нее известием. Вот это каникулы получились! Сначала такой косяк с перемещением, потом новость о том, что ее возвращение в Кукуй откладывается на неопределенное время, а теперь еще и сообщение о возможном исключении. Вот ведь зараза эта Маргарита!

– Лариса, вы меня слышите? – Иван Романович участливо заглядывал ей в лицо. – Вы очень способная волшебница, и я уверен, что вас ждет большое будущее. Поэтому сейчас вы должны обещать мне, что отнесетесь к своему заданию со всей серьезностью и сделаете все возможное. Да?

– Да, конечно, Иван Романович, – стряхнув с себя оцепенение, заверила девушка. – Спасибо за вашу поддержку. Я не подведу.

– Ее имя Арина Нарышкина.

– Что? – непонимающе переспросила Лариса.

– Имя девушки, чью судьбу вы должны изменить к лучшему.– Профессор произнес это так, словно за что-то извинялся.– Я пытался пробить для вас другую кандидатуру, но Маргарита...

Он досадливо поморщился, так что не осталось никаких сомнений: злобредная Маргарита Альбертовна и всеобщему любимцу Грозину успела насолить изрядно. Тогда посрамить противную тетку и превратить жизнь неизвестной Арины в сплошной шоколад – это дело чести не только самой Ларисы, но и ее куратора. Решено! Она сделает для этого все возможное. А если понадобится, то и невозможное тоже.

– Не волнуйтесь, Иван Романович,– бодро заверила волшебница.– Кем бы ни была эта Арина Нарышкина и о чем бы она ни мечтала, все ее мечты осуществляются, проблемы самоликвидируются, а жизнь наладится к лучшему.

– Ну-ну,– пробормотал Грозин, подивившись энтузиазму своей подопечной, еще не подозревающей, во что она ввязалась.

Ларисе показалось или в его голосе прозвучали скептические нотки?

– Ну не буду терять времени, пойду подпишу соглашение – и в архив,– бодро отрапортовала она.

– Да-да, конечно,– рассеянно кивнул Грозин.

– Всего доброго, Иван Романович!

– Вольская! – окликнул он, когда Лара уже зашагала к отделу кадров.– Удачи вам. И ни пуха ни пера!

– К черту, – машинально ответила Лариса.

Что?! Ей послышалось, или Грозин только что активировал заклинание успеха, строго запрещенное к применению на время экзаменов и контрольных работ? Заклинание, которым обмениваются школьники и студенты обычных учебных заведений (и откуда только те о нем прознали?), но которое приобретает свою силу только в устах мага? И Грозин его не просто активировал, но и пообещал свою помощь в случае чего, а она эту помощь приняла. И теперь между ней и профессором установилась невидимая связь, благодаря которой он будет в курсе ее продвижений по этому делу. Да за одно это Грозин может вылететь из коллегии! Поскольку это задание – своеобразный экзамен, помощь старших магов исключена, и Лариса должна полагаться только на свои собственные силы. Да если только Маргарита узнает, им обоим крышка и горящий котел в придачу!

Волшебница потрясенно развернулась на каблуках, но профессор уже исчез из коридора старинного особняка.

– Мне это послышалось. Послышалось! – строго сказала себе Лара и медленно побрела к отделу кадров. Нюська, спрыгнув с подоконника, засеменила рядом с ней.

* * *

Маркиз разбудил Глашу на рассвете, и в начале седьмого они были уже на полпути к замку тетушки Миланы. Оливье,

как обычно, резвился на своей кобыле, а его спутница страдала в карете. Время от времени она вывешивалась из узкого окошка в надежде увидеть какую-нибудь нечисть, приветливо скалящую зубы из-за кустов, или оборотней, перебегающих дорогу. Но, видимо, раннее утро не располагало нечисть к ухмылкам, а оборотней к прогулкам, поэтому путевые заметки Гликерии, которые она вела в блокноте, никакими интересными записями не пополнились. Вдобавок ко всему юную путешественницу укачало и растрясло, поэтому тот миг, когда ближе к полудню карета въехала во двор замка тетушки Миланы, стал самым радостным событием всего странствия.

Тетушка Милана оказалась миниатюрной дамой лет тридцати пяти с волосами цвета красного дерева и довольно экзотической внешностью. У нее были раскосые русалочьи глаза, высокие скулы, маленький рот, острый подбородок и личико в форме сердечка. На своего племянника она не была похожа ни капли, из чего Глаша сделала вывод, что Оливье уродился в отца.

– Добрый день, моя дорогая! – прищурилась Милана, изучая гостью, и обратилась к племяннику. – Оливье, что за шутки ты вздумал шутить со своей тетей?

– Какие уж тут шутки, тетушка, – дурашливо отвечивал тот. – Спешил познакомить тебя с величайшей колдуньей Кукуя, не далее как вчера утром свергнувшей саму Клариссу.

– О, так вот она какая, эта страшная ведьма! – рассмеялась

та.

– Вижу, слухи уже до тебя дошли,— хмыкнул Оливье.

– И весьма презанятные,— лукаво сообщила Милана.— Полчаса назад я получила известие, что мой племянник, отправившись выручать свою возлюбленную, сам попал под чары злодейки, привез ее в свой замок на правах хозяйки и уже вплотную занялся подготовкой к свадьбе.

Глаша только поразилась способности местных жителей к извращению фактов и сочинению сплетен. Таланты! Пожалуй, ее затея с газетой даже может выгореть.

– Ты не поверишь, когда я расскажу тебе,— ответил Оливье.

– Отчего же. Смотря что расскажешь,— усмехнулась хозяйка замка, приглашая их следовать за собой.

– Вот оно что,— задумчиво произнесла Милана, когда гости поведали ей события последних суток, и в ожидании усталились на ученую даму.— Да, похоже на то, что произошло двойное перемещение.

Оливье аж весь подтянулся и торжествующе глянул на Глашу снизу вверх: мол, что я говорил?

– Только не понимаю, чему ты так радуешься,— осадила его тетя.— Если мне не изменяет моя память, в этой ситуации Кларисса бессильна изменить что-либо, теперь только сама Гликерия должна найти способ вернуться в свой мир, и тогда Кларисса вновь займет свое место здесь.

Теперь настал черед Глаши ликовать и бросать на Оливье торжествующие взоры: мол, понял, кто тут герой?

Маркиз, судя по всему, в выдающиеся способности новой знакомой не верил, а потому весьма приуныл и кисло поинтересовался:

– И какие тут могут быть способы?

– Выбор невелик, – пожалала плечами Милана. – У тебя ведь нет изображения твоего мира? – обратилась она к Глаше.

– Вы имеете в виду открытки и фотографии? – уточнила та.

– Лучше, конечно, картина, но если ничего другого нет, можно посмотреть и графии.

– Но у меня их нет, – развела руками Глаша. – Разве что, – она выудила из рюкзака, который везде носила с собой, весь свой капитал: сотенную и полтинную купюры. – Может, это подойдет?

Она протянула денежки с изображением российских достопримечательностей Милане. Та с любопытством повертела их в руках.

– Не пойдет, – с сомнением произнесла она, передавая банкноты племяннику. – Картинка должна быть многоцветной, иначе вместо своего мира ты попадешь в рисунок и навсегда станешь его пленницей.

Глаша вздрогнула, представив себе такой исход своего путешествия. Ну уж фигурки, ей и тут неплохо! Она решительно отобрала купюры у Оливье, который с энтузиазмом

предлагал увеличить картинку и переписать ее красками, и спрятала их обратно. Милана отвергла и вариант племянника, сославшись на то, что картина должна быть создана до перемещения Глаши и в том мире, который она изображает. Сообщила она и что ни одно заклинание Глашу обратно не переместит и ни один волшебник ей не поможет, потому что пространственная магия крайне опасная, сложная и неизученная, и никто из местных кудесников за нее не возьмется.

– Но должен же быть какой-то способ! – горячо воскликнул Оливье, не желая мириться с неудачей.

– Способ, способ, – озадаченно пробормотала Милана, нахмутив лоб. – Что-то я такое читала... про какой-то артефакт... или источник... или зелье. Надо поискать в библиотеке.

– Так чего же мы ждем? – нетерпеливо вскричал маркиз.

* * *

На двери отдела кадров висела табличка «Приема нет». Несмотря на то что часы приема сегодня значились с 9.00 до 13.00, а времени было только половина первого.

Лариса вежливо постучала и открыла дверь.

– Закрото! – сурово гаркнули из-за шкафа. – Не видите, что ли? Приема нет!

– Так ведь полчаса еще, – деликатно возразила волшебница, заходя в кабинет и решив так просто не сдаваться. Без

копии соглашения ее не допустят в архив, а не получив досье на Нарышкину сегодня, она как минимум потеряет полдня драгоценного времени завтра.

– Вот ведь наглость какая! – поразилась невидимая сотрудница, шурша бумагами, и отнюдь не деловыми. Судя по всему, за шкафом активно шло чаепитие. – Приемный день вчера был, а сегодня у нас **ВООБЩЕ** приема нет.

Лариса вздохнула, поборов желание прибегнуть к помощи магии. Ведь как просто уламывать вредных теток в образе Аллы Пугачевой или Николая Баскова, но сейчас не тот случай – соглашение должна подписать она, Лариса Вольская, а не примадонна и не белокурый тенор, значит, тетку придется брать исключительно своим природным обаянием.

– Но мне очень нужно сегодня, пожалуйста, – вложив в голос побольше меда и обещания пряников, проворковала Лариса под аккомпанемент дружного чавканья из-за шкафа. Подойти ближе она не решилась – «бумажные» тетки очень не любят, когда их застают в разгар чаепития, и, представ взору посетителя с чашкой в одной руке и бубликом в другой, категорически отказываются вступать в переговоры.

– Девушка, выйдите! – недовольно булькнула из-за баррикады та, что постарше.

– Галина Матвевна, позвольте, я посмотрю...

Лариса воспрянула духом: обещание пряников не оставило кого-то равнодушным, до нее снизошли, а значит, полдела уже сделано.

Из-за шкафа вышла сердитая девушка с короткой стрижкой. При взгляде на Ларису ее лицо прояснилось, и она радостно воскликнула:

– Ларочка, здравствуй!

Волшебница чуть ламбаду на радостях не сбавала, но вместо этого широко улыбнулась:

– Викочка!

Вика была старшей сестрой той самой неудавшейся самоубийцы Оксаны, у постели которой Лариса просидела до утра, терпеливо изображая непутевого кумира. Вика ее тогда к ней и привела. Рыдая, подкараулила после лекции и уговорила вправить мозги сестричке. Лариса и не знала, что благодарная ей по гроб жизни Вика работает в отделе кадров. Какое удачное совпадение! Даже если злобредная Маргарита успела наведаться сюда и строго-настрого наказала сотрудницам подольше мурыжить практикантку Вольскую отговорками «Приходите завтра», сивой ведьме это не поможет. Через пять минут соглашение и пропуск в архив будут в руках у Ларисы. Вика в лепешку расшибется, чтобы угодить своей благодетельнице.

– Галина Матвевна, – повысила голос Вика, – это моя очень хорошая знакомая, Лариса Вольская. Помните, я вам про нее рассказывала?

– Ах, Ларочка! – заинтересованно воскликнула та, за баррикадой раздался шум, и из-за шкафа показалась тучная женщина лет пятидесяти в блузке, щедро украшенной лю-

рексом, и джинсах, плотно обтягивающих бедра.— Как же, как же, помню! — сказала она, окинув посетительницу оценивающим взглядом и прикидывая, как ее можно использовать в своих целях.

Лариса аж вздрогнула, представив себе тайные фантазии этой экстравагантной дамы.

— Галина Матвевна, вы не беспокойтесь, я сама займусь,— выручила ее Вика, и тетка с сожалением скрылась за шкафом, объявив: «Обращайтесь, если что!»

— Давно тебя не было видно. Я и не знала, что ты вернулась.

— Да вот, только утром...

— И как там дела?

— Лучше не спрашивай. Как Оксана?

— Замечательно. Выкинула всю дурь из головы, сейчас в институте учится, с мальчиком хорошим встречается. Спасибо тебе, Ларис!

— Да ладно тебе, Вик!

— Так ты с чем к нам?

— Мне дополнительное соглашение к контракту подписать надо.

— Сейчас сделаем,— с готовностью заверила Вика, опускаясь в кресло за компьютером.— Ты присаживайся пока. Это быстро, у нас тут все готовые формы есть... На что у тебя соглашение?

— На опеку.

– Ага, вот оно,– бойко щелкая мышкой, объявила Виктория.– Только имя вставим, распечатаем, печать поставим – и готово. Кто этот счастливчик? Или счастливница?

– Счастливница. Арина Нарышкина.

– Нарышкина? – удивилась Вика.– Опять?

– Что значит – опять? – настороженно переспросила Лариса.

– Ну не думаю, что в Москве живет пять Арин с фамилией Нарышкина,– усмехнулась Вика, стуча клавишами.– А ты пятая, кому поручают на попечение эту прелестную особу за последние полгода. Так что, сама понимаешь, возникают сомнения, так ли уж она прелестна на самом деле.

– Да уж,– проворчала Лариса, вспомнив злорадную ухмылочку Маргариты и виноватый взгляд Грозина.– И что, предыдущие поручители не справились?

– Да откуда ж мне знать? Мне никто не докладывает, я только бумажки заверяю. Ты мне уж по старой дружбе потом расскажи, что это за феноменальная девушка такая,– подмигнула Вика, вынимая бумагу из принтера, вставая из-за стола и направляясь за шкаф.– Сейчас на подпись Галине Матвевне дам.

Галина Матвевна ради такого случая выбралась из-за баррикады, поставила размашистую закорючку на двух копиях соглашения и, растянув губы в улыбке, сказала:

– Вы, Ларисочка, заходите к нам, чайку попьем, поболтаем!

– Обязательно, – пообещала Лариса, решив про себя обходить отдел кадров за пушечный выстрел.

– Уж не забудьте, – довольно хихикнула дама, пока Вика ставила печати на копиях.

После чего один экземпляр соглашения и запрос в архив с просьбой разрешить Вольской Л. А. ознакомиться с досье на Арину Тимофеевну Нарышкину, 1980 года рождения, перешли в руки волшебницы. Та от души поблагодарила Вику, с облегчением распрощалась с ее начальницей и побежала в архив. Верная Нюска, деликатно ожидавшая ее в коридоре, поскакала следом.

В архиве ей повезло меньше. Сидящая за стойкой платиновая блондинка, активно злоупотребляющая солярием, Ларисе была незнакома, а потому равнодушно объявила, что прием заявок на выдачу документов сегодня уже завершен и она может принять заявку только на завтра.

– Но ведь до закрытия еще два часа! – мягко возразила Лариса, протягивая ей запрос.

Скучающая красавица, не глядя в бумагу, бросила ее на стол и заученно ответила:

– А прием заявок на сегодняшний день закончился в 12.30.

– Но мне очень надо сегодня! – умоляюще воскликнула Лара.

– Всем надо, – безразлично ответила блондинка, и на ее

неестественно шоколадном личике не отразилось ни единой эмоции.— Приходите завтра.

— Всем? — разозлилась волшебница.— А если бы сейчас в двери вошел Энрике Иглесиас и попросил принести ему до-сье, вы и ему сказали бы то же самое?

В пустых глазах блондиночки мелькнул интерес, она живо представила себе эту картину, изящно облокотилась о стол, уронила голову на ладошку и мечтательно закатила глазки. «Кажется, программа зависла»,— с мрачным видом констатировала Лариса, безуспешно пытаясь достучаться до блондинки и вернуть ее на землю.

— Ниночка, что тут у тебя? — Дверь за спиной мечтательницы распахнулась, и оттуда выскочила моложавая женщина лет шестидесяти с прической под Мирей Матье и с пачкой папок в руках.

Лариса воззрилась на нее с надеждой и, не дожидаясь, пока блондинка придет в себя, изложила «Мирей» суть дела.

— Но сейчас мы принимаем заявки только на завтра. У нас и так очень много заказов, мы не успеваем справляться,— мягко возразила та, обрушив папки на стол и вернув Ниночку к реальности. Та растерянно захлопала густо подведенными глазами и в удивлении уставилась сперва на Ларису, затем на свою старшую коллегу.— Оставьте заявку, и завтра с утра я разыщу ее первой.

— Понимаете,— осторожно подбирая слова, взмолилась девушка,— я здесь в командировке, у меня не так много време-

ни и на счету каждая минута. Если я смогу получить досье сегодня, то у меня будет целый вечер, чтобы изучить его и продумать план действий, так что уже завтра с утра я смогу начать работу. А если я получу досье завтра, то потеряю половину дня!

Перехватив укоризненный взгляд «Мирей», она добавила:

– Я бы раньше пришла, но только час назад это задание получила. Понимаете, это для меня очень-очень важно!

«Мирей» нерешительно взяла запрос со стола, пробежала его глазами... и изменилась в лице. Она подняла на Ларису взгляд, в котором читались сочувствие и жалость, и тут же отвела глаза. Как будто это не запрос на досье, а назначение в чумное королевство, направление на интервью с самым кровожадным вампиром или предсказание о скорой смерти от авторитетного прорицателя. Ларисе стало не по себе.

– Сейчас принесу, подождите, – напряженно проговорила «Мирей» и исчезла за дверцей в стене.

Появилась она минуты через две, с тонкой пластиковой папкой в руках. Словно досье на Нарышкину не пылилось в недрах огромного хранилища, а лежало у нее на столе, где она его читала на досуге. Хотя какое хранилище? На всех, кто моложе двадцати семи, данные хранятся в компьютерной базе, их следует только найти и распечатать. Но тогда все равно удивительно, что из миллионов досье это нашлось так быстро. А, ну да! Вика же сказала, что за последний год

мадам Нарышкину брали под опеку уже четыре мага. Неудивительно, если при такой популярности сотрудницы архива решили сделать запасную копию, а то и захотели сами изучить дело необыкновенной девицы.

– Вот! – по-прежнему отводя глаза, «Мирей» передала папку Ларисе и, заполнив бланк выдачи, протянула его на подпись.

– Скажите мне,– девушка скосила глаза на бейджик на кармане пиджака «Мирей»,– Римма Львовна, что с ней не так?

– С кем? – нервно переспросила та.– А, с Ниночкой, что ли?

Лариса и не заметила, что блондиночка снова впала в транс и нежно улыбалась, глядя бессмысленным взглядом прямо перед собой.

– Да у Ниночки каждый день свои причуды,– радуясь возможности сменить тему, охотно пояснила Римма Львовна.– Вчера ей кто-то принес любовное заклинание, так она его на всех мужчинах испытать пыталась. Поддался только старый профессор – ну это и неудивительно, он и так всякий раз, как Ниночку видит, твердит, что она похожа на его умершую жену в молодости, и все норовит ей предложение сделать, да еще иностранец-оборотень один.

– Оборотень – не самый худший вариант,– заметила Лариса, вспомнив самого красивого парня с их потока, Никиту, второй ипостасью которого была орлиная.

– Смотря какой оборотень,– согласно кивнула Римма Львовна.– У этого другая ипостась – скунс.

– Да вы что? – не удержавшись, приснула волшебница.

– У меня на это нюх,– авторитетно заявила Римма.

Лариса с интересом глянула на сотрудницу – неужели инспектор? Дар, позволяющий видеть истинное лицо в любом обличье, считался столь же редким, как Ларисин, и было сложно поверить, что сотрудница, обладающая таким полезным талантом, просиживает в архиве, а не колесит по всему городу в составе опергруппы. А может, Римма Львовна уже и отколесила свое, годы-то уже не те...

– А сегодня с ней что? – напомнила она, кивнув на витающую в облаках блондинку.

– А сегодня ей кто-то рассказал, что в высшей школе училась девушка, которая могла принимать облик любого человека, хоть Гитлера, хоть Алена Делона или Бритни Спирс...

А вот это неправда, про себя возмутилась Лариса. Гитлером она никогда не оборачивалась, надо же такую чушь придумать!

– И сперва Ниночка убивалась, что ей не повезло родиться с таким талантом, а потом приободрилась, вспомнив, что эта девушка сейчас в Москву вернулась после долгого отсутствия, и заявила мне, что непременно ее найдет...

«Этого мне только не хватало!» – мысленно простонала Лариса. Нетрудно предположить, что у этой subtilной красотки на уме.

– Чтобы на один вечер та побыла для нее Рики Мартином. Или Брэдом Питтом. Ниночка еще не решила,— не скрывая улыбки, сообщила Римма.— Но она уже отложила первые сто рублей для гонорара волшебнице.

Похвально, ничего не скажешь, хмыкнула Лариса. Интересно, кто рассказал глупышке Ниночке о ее возвращении? Уж не Настя же! И не Маргарита! Наверняка блондиночке и ее имя с фамилией известны. Так что это ей еще повезло, что Ниночка даже не глянула в запрос, а то от мечтательной архивщицы пришлось бы спасаться бегством.

– А эта девушка, Арина Нарышкина,— начала Лариса, и улыбка тут же померкла на устах Риммы Львовны.

– Трудная эта девочка,— покачала головой она.— Не один волшебник уже с ней намучился. Не девочка, а какое-то наказание. Так что удачи тебе с ней.

– Спасибо,— понуро поблагодарила Лариса, сжимая в руке папку. Ей не терпелось скорей познакомиться с досье на ту, одно имя которой наводит ужас на окружающих.

* * *

Очутившись в библиотеке, Милана, Глаша и Оливье развили бурную поисковую деятельность. Глаша первые два часа с интересом перебирала тяжелые старинные книги и разглядывала картинки (особенно ей глянулся местный бестиарий, в котором даже крокодилы с бегемотами значились

под видом чудовищ), а затем стала страдать из-за отсутствия электронной базы и находчивого «Яндекса», который бы разыскал нужную им информацию за полминуты, тогда как вручную этот процесс рискует затянуться на долгие дни, а то и месяцы. Пока Гликерия вздыхала в сторонке, Оливье и его тетушка с энтузиазмом перетряхивали полки и листали толстые талмуды. Час, два, три, четыре...

– Вот оно! – торжествующе вскрикнула Милана на исходе пятого, с силой ткнув пальцем в желтые страницы толстой старинной книги.

– Щекотно, – неожиданно прошелестела та, подпрыгнув в ее руках.

Впечатлительная тетушка вскрикнула еще громче и убрала руки. Чувствительная книга с размаху шлепнулась на пол и тоненько, по-бабьи заголосила:

– Убили! Без ножа зарезали! Без огня сожгли! Без воды загубили! – И она заметалась по полу, натываясь на ножки мебели.

Глаша с раскрытым ртом взидала на диковинные события. Милана, поджав ноги, застыла на стуле и повизгивала так, словно ее атаковал полк крыс. Даже Оливье на мгновение онемел от удивления, а потом перевел на тетку округлившиеся глаза.

– Милана, у тебя есть жека? – строго спросил он.

– А что такое жека? – вклинилась любопытная Глаша, не сводя глаз с бешеной книги, наворачивающей круги и зигза-

ги по полу.

– Жека – это сокращенно «живая книга», – коротко ответил Оливье и сурово глянул на тетку.

– Я об этом ничего не знала, – замотала та головой. – Если бы знала, разве бы я ее у себя оставила? Сдала бы тут же! Не понимаю, как такое возможно? – жалобно прошептала она. – Я же ее читала, и она была обычной книгой. Я на нее даже кубок вина тогда пролила, точно помню, и она даже не пискнула. Может, это от вина она взбесилась? Точно, в нее зеленый змий вселился, как пить дать вселился!

– Чепуха! Вздор! Поклеп! – возмутилась вздорная книжка, замерев на полу. – А еще образованная женщина! Слуг своих на смех подняла, когда они про привидение на чердаке доложили, а сама в зеленого змия верит, – укорила она.

– Ты мне нотации читаешь? – поразилась Милана, беря себя в руки.

– Это ты меня читаешь, – возразила жека, подпрыгнула на полу и встала вертикально, обложкой вперед. Теперь на темном кожаном переплете прорезались два желтых кошачьих глаза и розовые девичьи губы. – А я тебе рассказываю.

– Очуметь! – пораженно выдохнула Глаша.

– Сама зараза! – оскорбилась книженция. – Взрывнику тебе на язык, даром что ко мне никакая хворь не пристаёт. Это ж надо такие гадости пожелать! И кому? Маленькой беззащитной книжке! – Она закатила глаза и шмыгнула проступившими в обложке ноздрями. В отличие от вполне челове-

чьих губ, ноздри, как и глаза, были звериные.

— Не подумайте ничего плохого,— поспешно заметила Глаша,— это я от удивления.

— Что за новость — от удивления проклятия говорить? — поразила книжка.

— Да это не проклятие,— смущенно пробормотала девушка и пояснила: — Очуметь — это значит обалдеть.

— Обалдеть,— повторила жека, закатила глаза и провела откуда ни возьмись появившейся крошечной ручкой, похожей на беличью лапку, по краешку переплета.— Такого слова во мне нет, надо будет вписать, а то устарею, на свалку отправят. Хотя нет, свалка — это лучший вариант, теперь же нас в тайную библиотеку ссылают... — взгрустнула она.

— Куда ссылают? — удивилась Глаша.

— В королевский дворец, за семь замков,— поджала губки книжка.— Опасными нас объявили, мол, вредные мы и злой магией перенасыщены, а кто нас укрывает, того король под суд отдаст. Вон и хозяйка меня сдала бы, даже глазом не моргнула. Правда, хозяйка? — обиженно прищурилась она, глядя на Милану.— А на самом-то деле знаешь что? Тайные знания старый король ищет, которые ему помогут молодость вернуть, да только напрасно это все,— довольно захихикала жека.— Не нашел он в них ничего.

— А ты-то это откуда знаешь? — недоверчиво спросил Оливье.

— Уж мне-то ведомо,— загадочно ответила книженция и

деловито поинтересовалась: – Так как, будете меня королю сдавать или договоримся?

– А вдруг ты нас зачаровать хочешь, чтобы навредить? – неуверенно спросила Милана.

– Кто вредитель, так это старый король! – убежденно ответила жека, сощулив глаза в узкие щелочки. – Уже два года наших истязает: и каленым железом, и пламенем, и сыростью, и крысами. Тех, кто помоложе, уже давно до смерти замучил, а стареньких до сих пор пытается, все надеется узнать, куда нужные ему сведения подевались.

– Ужас! Просто гестапо какое-то! – искренне посочувствовала Глаша.

– Так что пролитое вино да тесные полки по сравнению с королевскими приемами – просто любовные ласки, – печально вздохнула книга. – Как узнала, что король облаву на нас устроил, так пришлось затаиться пуще прежнего. До этого было несложно, стояла себе на полке сто лет, никто в меня ни разу не заглядывал, жила себе спокойно, никого не трогала, иногда погулять выходила, на звезды посмотреть...

– Так вот какое привидение служанки на чердаке видели! – догадалась Милана.

– А нечего меня пинать было, когда я на чердаке уснула, – смущенно пробурчала книженция. – Тут кто хочешь дурным голосом взвоят. Они-то, конечно, меня в темноте не разглядели, потому и наткнулись... Но мне-то разве легче? Да и тебя тогда неладная принесла... И года не прошло после ко-

ролевского приказа, как тебе меня почитать вздумалось. Уж как я терпела твои щекотки, а вино! Но нельзя мне было себя выдать, иначе еще хуже было бы. И перетерпела, и заработала год покоя, и дремала себе потихоньку, и дальше бы дремала – надо же тебе было меня сегодня так пальцем ткнуть да прямым в сто тридцатую страницу! Это же мое самое чувствительное место. Да еще спросонья, я не сдержалась, выдала себя... Вот беда-то! – Книжка хлопнула себя лапой по обложке, где, должно быть, предполагался лоб, и шумно вздохнула.

– Вы думаете, ей можно верить? – спросил Оливье, переглянувшись с тетей и Глашей.

– А что вам остается? – лукаво ухмыльнулась жека. – Про перемещения в мирах вы больше ни в одной книге не прочтете. Вам еще повезло, что я так удачно сохранилась!

– Откуда ты знаешь, что нам нужны перемещения? – недоверчиво спросил маркиз.

– А то я не знаю, что у меня на сто тридцатой странице написано! – закатила глаза книга, подивившись человеческой глупости. – У меня на том самом месте специальная охранная метка стоит.

– Какая такая метка? – заинтересовалась Глаша.

– Сперва пообещайте, что не выдадите меня королю! – потребовала жека.

– Обещаем, – согласно кивнули все трое.

– Нет, вы расписку напишите! – заартачилась книжка.

Оливье пришлось сбегать за бумагой, пером и чернилами к письменному столу, стоящему в кабинете перед библиотекой, после чего он сам под диктовку написал текст расписки, а Милана и Глаша затем торжественно поставили свои подписи. Книга довольно хрюкнула, схватила листок и спрятала его между своих страниц.

– Смотрите, вы обещали! Расписка лежит в разделе наказующих заклятий. Если вы свое слово нарушите, то все тридцать девять заклинаний активизируются. И тогда я вам не завидую, одни только заклинания самовозгорающейся кожи, всепожирающей плечи и мгновенной старости чего стоят!

– Ладно-ладно, мы поняли,— оборвал ее Оливье, заметив перекошенные лица дам.— Ты помогаешь нам, а мы – тебе.

– На помощь вашу я и не рассчитываю,— проворчала книга.— Не выдавайте меня, и то ладно.

– Так как с меткой? – поторопил ее маркиз.

– Нетерпеливый какой! А что метка? Метка скрывает истинный текст под подложным...

– Значит, то, что я читала раньше, фальшивка? – догадалась Милана.

– Именно,— подтвердила книжка.— Пространственно-временная магия – дело очень серьезное и опасное, и мы имеем право выдавать точные сведения только в нескольких случаях...

Оливье и Глаша в ожидании уставились на нее.

– И у тебя, красotka, как раз тот случай,— торжественно

объявила жека, обращаясь к девушке.

– А ты откуда знаешь? – удивилась та.

– Слышала вчера разговоры прислуги, – махнула лапкой книга.

– Опять на звезды смотреть ходила? – усмехнулась Милана.

– Люблю я это дело, – призналась книжка. – Ну и слышала мимоходом, о чем слуги судачили. Я еще сразу подумала, что девочка или и впрямь сильнейшая колдунья, или иномирка. А уж когда вы меня потревожили, я сразу все смекнула. Оливье я в лицо знаю, девчонка в странной одежде... Ясное дело, кому же это еще быть? Была бы такой сильной колдуньей, как молва расписывает, стала бы она ответ в книгах искать! А уж когда она словечками странными начала сыпать, так все лишний раз подтвердилось. Замутила Кларисса дел! – укоризненно произнесла она. – Теперь непросто тебе будет домой вернуться.

«Непросто, значит, с приключениями!» – обрадовалась Глаша и уставилась на книжку в ожидании каких-нибудь приятных известий, которые ей помогут преодолеть все преграды и пройти испытания с честью. Ну что она там избранная или, на худой конец, наследница колдуна какого. Или эльфийская принцесса с врожденным даром к волшебству, но это уже мечты, мечты.

– Чего смотришь? – буркнула жека, приоткрывая лапкой переплет. – Читай сама!

Текст, который был на странице сто тридцать, начал тускнеть и пропадать, и на листке проступил совсем другой текст.

– Можешь взять меня в руки, только осторожно,– мило- стиво разрешила хранительница тайных знаний,– да на стол положить.

После того как книга была торжественно возложена на стол и улеглась на нем поудобней, все трое посетителей библиотеки склонились над ее страницами.

* * *

– Девушка, вы выходите? – раздраженно гаркнули сзади. Противный визгливый голос заставил Ларису оторваться от чтения газеты соседа и вернул на грешную землю. А точнее, под землю, в людное московское метро. Как же она отвыкла от его суеты, толкучки, какофонии звуков и запахов. А ведь в тихом провинциальном Кукуе ей так не хватало бурной столичной жизни! Хотя присутствие Оливье позволяло смириться и с наличием трех нечистей на душу населения, и с отсутствием душа, компьютера и телевизора.

– Да-да,– кивнула она, и толпа вынесла ее в вестибюль.

Лара огляделась по сторонам, увидела вывеску «Новые Черемушки», мысленно поблагодарила раздраженную попутчицу, что не дала проехать нужную остановку, и пожелала ей удачного дня. Теперь усталая тетка с тяжелыми авоськами беспрепятственно сядет в нужный автобус, который по-

дойдет, как только она появится на остановке, потом займет свободное местечко и с полным комфортом доедет до дома. Выходя из автобуса, она почувствует прилив сил, без труда дотащит сумки до квартиры и по дороге, быть может, даже найдет чей-то туго набитый кошелек или потерянный лотерейный билет, который в ближайшие выходные выиграет крупную сумму денег. Благодарность волшебницы дорогого стоит.

Лариса сверилась с листиком из блокнота, который ей оставила Настя, и зашагала к противоположному выходу со станции. Дорогу до Настиного дома она вчера запомнила, так что отыскала его без труда и уже вскоре нажимала на кнопку звонка, который залился соловьиной трелью, возвещая о приходе гостей. Дверь распахнулась, Лариса шагнула в коридор и по-собачьи повела носом, с наслаждением вдыхая аромат домашнего ужина.

– Ну как комиссия? – спросила подружка, поправляя нарядный кухонный передник.

– Потом расскажу, – отмахнулась Лариса.

– Как хочешь. А ты как раз вовремя, – улыбнулась Настя, приглашая подругу на кухню. – Где ты такой раритет откопала? – удивилась она, принимая у Ларисы торт. – Таких уже года три как не делают. Сейчас все больше со взбитыми сливками да творожные.

– Ностальгия, – вывернулась Лариса.

Не в ее правилах было ходить в гости с пустыми руками, а

о том, что она забыла завернуть в магазин, Лара вспомнила уже в подъезде. Поэтому, быстро оглядевшись по сторонам, чтобы не шокировать любопытных соседок, она быстро наколдовала себе вкусный тортик «Прага», которым они с девчонками так любили лакомиться во время учебы в магической школе. О том, откуда он взялся, волшебница даже не задумывалась. Она была бы весьма удивлена и пристыжена, узнав о том, что пять минут назад торт, который поставила в холодильник Настя, испарился из витрины кондитерского отдела магазина «Ромашка», что на Воронцовских прудах. И как раз в этот момент продавщица Тамара Гниломедова заметила его исчезновение, всплеснула руками и заметалась возле витрины, мучительно соображая, как объяснить пропажу товара строгому директору магазина Аркадию Семеновичу Полубатову.

Лариса с удовольствием уселась на кухонном диванчике, глядя, как Настя хлопочет у плиты, думая о том, как же все-таки повезет мужчине, который заполучит хозяйственную Настасью в жены.

– Ой, да что ж это я! – спохватилась она, когда Настёна достала смешную рукавичку в виде усатого повара и вынула из духовки румяную курочку. – Пришла, расселась, ничем не помогаю.

– Сиди-сиди, – засмеялась подруга. – Тебя любо-дорого послушать.

– Березкина! – возмутилась Лариса. – Как ты посмела чи-

тать мои сокровенные мысли?!

– Не такие уж они сокровенные,— ухмыльнулась Настя,— а самые что ни на есть вопиющие.

Что правда, то правда. Выпускники школы владели самыми элементарными навыками телепатии, что позволяло им слышать мысли человека, только когда он полностью ослаблен, и улавливать сильнейшие желания и эмоции, когда он взволнован. Практически эти навыки были почти бесполезны. Мыслечтение можно было применить только к хорошо знакомым людям, которые чувствовали себя комфортно в компании волшебника. А для того, чтобы распознавать переполняющие человека эмоции, не обязательно быть телепатом, достаточно быть внимательным наблюдателем.

– От тебя же доброго слова не дождешься,— со смешком добавила Настасья.— А так приятно знать, что хотя бы в глубине души ты меня ценишь. Где-то так глубоко, что я об этом даже не подозреваю. Вот только жаль, что ты меня оцениваешь так однобоко. Я же еще и умница, и красавица...

– И на машинке можешь? Не говоря уже о том, что «Камасутру» наизусть знаешь? – поддела ее Лара.

– О, кстати, на машинке я тоже могу! – обрадованно заявила Настя, пропустив последнее замечание мимо ушей.— Я же недавно права получила!

– Теперь займешься сводничеством на московских дорогах? А что, пробки создают благоприятные условия для знакомства и рождения новых пар,— съехидничала волшебница.

– Отличная идея! Надо попробовать,– на полном серьезе одобрила Настя, ставя тарелки с курицей и молодой жареной картошкой на стол перед подругой.

– Какой наглый плагиат! – притворно возмутилась сбегавшая кукуйская волшебница, придвигая к себе блюдо и накалывая на вилку нежную дольку картофеля.

– Кстати,– похвасталась Настасья,– я прошла курсы повышения квалификации и теперь владею мыслечтением на уровень выше и могу распознавать и менее очевидные мысли. Конечно, до настоящих телепатов мне далеко, но уже что-то!

– А тебе-то это зачем? – удивилась Лариса.

– Как это зачем? – обиделась та.– И ты туда же, да? Считаешь меня никудышной, ни на что не годной любовной феей?

– Да ладно, не кипятись,– примирительно заметила Лара, проглатывая картошку.– Мм, ты так божественно готовишь, что я убью каждого, кто посмеет назвать тебя никудышной!

– Вольская! – обиженно взывала Настя.

– Да что я такого сказала-то? – удивленно спросила Лариса, отщипывая кусочек курицы.

– Ты только что объявила, что самое большее, на что я способна, это приготовить картошку! – вспыхнула Настасья.

– Я сказала – только картошку? Я была не права. Еще и курочку, курочка у тебя тоже необыкновенная получилась,– с набитым ртом проговорила волшебница.

– Можешь не утруждать свой речевой аппарат,– язвительно ответила Настя.– Не забывай, что я и так прекрасно могу

слышать твои мысли.

– О горе мне! – дурашливо простонала Лариса. – Я и за-
была! Березкина – ты страшный человек. Как я буду жить с
тобой в одной квартире? Кстати, ты из другой комнаты тоже
будешь мои мысли слышать? И в ванной? И в туалете? Бед-
няга, тогда я тебе не завидую.

– А я не завидую твоим кукуйцам, – не осталась в долгу
Настя. – Как только они тебя терпят?

Несмотря на эту шутовскую ругань, обстановка в кухне бы-
ла теплой и дружелюбной. Может быть, постороннему чело-
веку и показалось бы, что девушки того и гляди передерутся,
но сами Лариса и Настасья откровенно наслаждались своей
словесной перепалкой. Три года – подумать только! – три го-
да они не видели друг друга. А что может быть приятней,
чем от души поехидничать на пару с лучшей подружкой?

– Лариска, я по тебе скучала, – призналась Настя. – Хоть
ты и язва!

– И я тебя люблю, Березкина, – ответила Лариса, уминая
остатки ужина. – Слушай, а выходи за меня замуж! Хочешь, я
для тебя буду Томом Крузом, хочешь – Киану Ривзом, а хо-
чешь – всеми голливудскими красавцами по очереди. Толь-
ко представь себе, у тебя будет не один муж, а целых семь,
по одному на каждый день недели.

– Иди ты, – шутовски отмахнулась фея.

– И все-таки, зачем тебе телепатия? – напомнила Лара.

– Да затем, что у меня ответственная работа! – провоз-

гласила специалистка по личной жизни.— Здесь неточности и погрешности должны быть сведены к минимуму, ведь от этого зависит счастье людей.

— Ну и?

— Ну и вижу я, например, парня и девушку, которые подходят друг другу.

— И чего? Не вижу связи.

— Чего, тундра! — передразнила Настя.— А того, что эта девушка может стоять и в тот самый момент думать, что все мужики козлы, и быть категорически не расположенной к знакомству. Она в таком состоянии не то что неизвестного парня пошлет, но и всех Киану Ривзов с Томами Крузами, «Иванушками» и Максимами Галкиными вместе взятыми. А я буду виновата, что этого не разглядела и его к ней подтолкнула.

— А что, синдромы ПМС нельзя разобрать без помощи телепатии? — невинно поинтересовалась Лариса.— Я тебе и так в метро укажу, кто из дам этой бедой страдает. Кто состроит самую мерзкую козью морду, ту и надо обходить стороной, а то себе дороже встанет.

— У тебя все? — терпеливо поинтересовалась Настасья.

— Ага, валяй дальше,— милостиво разрешила Лара.

— Так вот если я парня к такой девице подтолкну, а она его обматерит на глазах у всех, тому понадобится долгая психологическая реабилитация, и он еще долго от девушек шараться будет.

— Реабилитацией тоже ты занимаешься? — хмыкнула ку-

куйская волшебница.

– Это не по моей части, но есть у нас специальный отдел,— поведала фея.

– С ума сойти! И что они делают?

– Подсылают к объекту одну из своих сотрудниц, и та ему популярно объясняет, что не все бабы стервы.

– Что, прям вот так и говорит: «Не все, Вася, бабы стервы, у меня есть даже десять аргументов и фактов в пользу моей позиции»?

– Нет, ты все-таки надо мной издеваешься!

– Да что ты! Просто для меня работа вашего отдела – темный лес, поэтому каждое твое откровение – сенсация.

– Ну ладно, расскажу... Ты чай будешь?

– Конечно, буду! Зря я, что ли, торт по всей Москве искала? Или ты его решила засушить в качестве раритета?

– Так вот.— Настя включила чайник и достала чашки и блюдца для десерта.— У нас есть специальный отдел, где работают так называемые «идеальные девушки», иды. Их миссия – романы с подопечными, за время которых они должны изменить их отношение к женщине в лучшую сторону и построить на позитивный лад.

– Тупые блондинки! – подскочила на месте Лариса.— Так они все-таки существуют?!

Перспектива стать «тупой блондинкой» среди студенток считалась самой ужасной. Ходили слухи, что наиболее симпатичные двоечницы, бездарно проявившие себя в магии,

пополняют ряды фактически узаконенных гетер, от которых только и требуется, что окручивать нужных мужиков да скрашивать жизнь неудачникам, исполняя роль земных гуррий по заданию начальства.

— Лара, что за глупости! — горячо возразила Настасья.— Все эти девушки умные и замечательные, у них необыкновенная харизма. И не все они блондинки, и никакие они не гетеры...

— Ну да,— хмыкнула волшебница, доставая из холодильника торт.— Они что же, проповедуют платоническую любовь?

— Лариса! — пристыдила ее Настя.— Между прочим, дарить свою любовь — это тоже особый дар, который достоин уважения. Да, магические способности этих девушек практически на нуле, а их чары ограничиваются обычно чарами привлекательности, но их работа очень важна. Знала бы ты, сколько душ они исцелили и сколько счастливых семей возникло благодаря их стараниям. Да после общения с идой мужчина меняется так, что сам становится близким к идеалу, и их новые подруги должны быть вечно благодарны своим предшественницам!

— Умереть не встать,— только и вымолвила Лариса.— «Тупые блондинки» все-таки существуют! Кому бы рассказать!

— Вольская,— строго оборвала ее Настасья.— Держи язык за зубами. Это секретный отдел. И я надеюсь, то, что я тебе рассказала, останется между нами.

— Конечно. И что, подопытных,— Лариса перехватила

взгляд подружки и поспешно поправилась: – извини, подопечных, не травмирует, когда женщины их мечты от них уходят? Или в их задачи и замужество входит?

– Разумеется, нет, – невозмутимо ответила фея. – Романы длятся не больше трех месяцев, чтобы разрыв был менее болезненным. К тому времени иды, выполнив свои задачи, деликатно сводят отношения на нет, а наш отдел подыскивает им достойную замену для постоянных отношений среди обычных девушек и обеспечивает новое знакомство.

– Да у вас там целая бригада, – потрясенно сказала Лариса.
– Ты еще скажи – банда! – усмехнулась Настасья, разливая заварку.

– Ну это ты сама сказала, – невинно заметила волшебница.
– Ты лучше расскажи, чего там комиссия тебе поручила, – спохватилась ее подруга. – Заболтала меня совсем, я и забыла о самом главном.

– А я думала, ты уже все у меня в голове прочитала, – ухмыльнулась Лариса, – потому и спрашивать боишься.

– Что, так плохо? – охнула Настасья, едва не выронив чашку.

– Ну в досье я ничего криминального не нашла. Девушка как девушка, – пожала плечами Лара. – Но почему-то кадровичек и сотрудниц из архива одно ее имя вводит в ступор. Представляешь, за эти полгода ею занимались уже четыре мага и, похоже, все потерпели поражение.

– Только не это, – простонала Настя и грохнула на стол

чашкуи так, что расплескала чай.— Неужели тебе поручили Нарышкину?

— Ты ее знаешь?! — удивилась Лариса.

— Еще бы мне ее не знать,— процедила Настя.— Одной из тех четырех была я.

* * *

— А попроще варианта нет? — уныло произнес Оливье, закрыв книгу.

— Ни спасибо, ни пожалуйста,— возмутилась та.— Я тут, понимаешь, раскрываю тайные сведения, стараюсь помочь, чуть из переплета вся не выпрыгиваю, а им еще и не нравится!

— Мне нравится,— неуверенно произнесла Глаша.

Ознакомившись с текстом девятой главы, что уместилась на тринадцати страницах, она испытала двоякое чувство. С одной стороны, душа ее ликовала: ее ожидало настоящее приключение, встречи со сказочными персонажами, посещение самых интересных достопримечательностей данного королевства. С другой — любая из таких встреч и поездок могла закончиться весьма плачевно, учитывая тот факт, что магических умений в ней не пробудилось, да и армии бесстрашных спутников и великих героев, которые будут сопровождать ее на полном тягот и испытаний пути, не предвидилось. Оливье ее, конечно, не бросит и сделает все от него за-

висящее, чтобы получить искомое и скорей ее домой сплавить, чтобы свою ненаглядную Клариссу вернуть. Но что может тщедушный коротышка маркиз против властелина вампиров и предводителя оборотней, к которым им следовало наведаться в ближайшее время с дипломатической миссией?

Легенда, текст которой открыла им жека, гласила, что триста лет назад один могущественный колдун по имени Ренар смог добиться невозможного. В результате сложнейших многолетних экспериментов он изобрел заклинание, стиравшее все временные и пространственные границы. С его помощью можно было вернуться в прошлое, очутиться на другом краю света своего мира или попасть в другие измерения. Лишь будущее так и не подчинилось колдуну, из чего тот сделал вывод, что будущего, как такового, не существует, его порождает настоящее, а потому нельзя заглянуть вперед, ведь единого варианта развития событий не существует. Впрочем, магу было достаточно и достигнутых успехов. В том случае, если настоящее, двигаясь вперед, приносило нежелательные результаты, у обладателя заклинания всегда была возможность вернуться назад и изменить ход событий.

У этой магии было особенное свойство: она не могла быть направлена на другого без его ведома. Колдун долго бился над тем, чтобы исправить этот недочет, но шли годы, а заклинание не поддавалось. Изобретатель мог пользоваться его силой сам, но был не в силах перенести на других: ни чтобы применить его в своих целях, ни чтобы разбога-

теть за счет предоставления уникальной магической услуги, цена которой могла исчисляться баснословными суммами. Продавать текст магического заклинания было бы большой глупостью: однажды раскрыв секрет волшебных слов, колдун перестал бы быть его единоличным владельцем, от одного человека к другому заклинание облетело бы все королевство, и страшно представить, что бы началось, когда все подряд принялись бы менять свое прошлое и путешествовать в мирах. Тогда Ренар пришел к единственно возможному решению: он создал шесть амулетов, заключил в них силу заклинания и запер каждый из них индивидуальным кодом. А затем предложил амулеты главам шести магических кланов: вампиров, оборотней, русалок, дриад, магнетиков и драконов, потребовав взамен самое важное из того, чем они владели, — секрет их природной магии. Ни один из правителей не смог устоять перед столь заманчивым предложением, ведь оно гарантировало возможность власти над временем и пространством. Правда, каждый амулет был рассчитан всего на три применения, но даже возможность трижды повернуть время вспять или побывать в других мирах была более чем соблазнительной. Взамен маг получил от вампиров бессмертие, от оборотней — способность к перевоплощению в животных, от русалок — подводное дыхание и власть над водной стихией, от дриад — магию земли и растений, от драконов — власть над огнем, от магнетиков — их чары магнетизма, которые в сотни раз превосходят вампирские. Главы кланов

не подозревали о предложениях, которые поступили другим родам (маг позаботился о том, чтобы каждый считал себя единственным покупателем уникального амулета), и полагали, что ничего страшного или опасного в том, что маг получит одно из преимуществ их рода, нет. Правда открылась уже после совершения сделки. Слишком поздно. Маг стал сильнейшим в своем мире, практически неуязвимым и непобедимым. Правители кланов схватились за головы, ожидая самого страшного, но Ренар словно испарился. Легенда гласила, что ему, наделенному такими сильнейшими способностями, стало тесно в родном мире, и он отправился путешествовать по иным мирам, меняя их историю и перекраивая ее на свой лад. А главы кланов поклялись сохранять эту историю в тайне, поведав ее лишь одной живой книге, ибо все важное, что совершается на земле, не должно пропасть бесследно...

– Выходит, мне теперь следует отправиться к президентам этих мифических корпораций и уговорить их разрешить мне воспользоваться этим артефактом? – резюмировала Глаша, вызвав всеобщее недоумение. После того как был приведен перевод с современного русского на средневековый кукуйский, разговор был продолжен.

– Так они тебе и разрешили, как же, – ухмыльнулась книжка, захлопывая обложку и вскакивая со стола.

– Да, так просто они амулет не дадут, – задумчиво проговорил Оливье.

– Если он у них вообще еще работает,– заметила Милана.– Триста лет – немалый срок, сколько войн за это время разгоралось, сколько сородичей погибало, сколько поворотных моментов случалось – соблазн воспользоваться амулетом и изменить ситуацию ох как велик.

– Но амулетов все-таки шесть,– оптимистично заявил ее племянник,– и в каждом по три заряда. Итого – восемнадцать шансов на успех.

– За триста лет у кланов трижды правители менялись,– напомнила Милана.– Даже если каждый воспользовался закливанием всего по одному разу...

– А соблазн ох как велик! – ехидно встряла жека, передразнивая тетушку.

– А почему вы уверены, что амулет передавали преемнику? – спросила Глаша.– Что, если он переходил к кровному наследнику, а новый правитель о его существовании и не подозревал?

– Ты не знаешь наших властелинов,– качнул головой Оливье.– Благополучие клана для них сильнее кровных и любовных уз, поэтому нерастраченный амулет был бы непременно передан следующему правителю, чтобы он мог воспользоваться им для разрешения какого-нибудь важного общественного конфликта или предотвращения несчастья, которое коснется всех сородичей.

– В таком случае вряд ли они по первому требованию передадут амулет нам,– погрустнела девушка.

– Вам придется предложить им нечто такое, что окажется для них более ценным, чем амулет,— задумчиво произнесла Милана.

– Более ценным, чем возможность повернуть время вспять или увидеть другие миры? Вряд ли такое возможно,— хмуро отозвался Оливье.

– Но следует учесть интересы различных кланов,— предложила его тетя.— Возможно, что-то такое и обнаружится...

Взгляды присутствующих пересеклись на притихшей книжке.

– А что сразу я?! – поспешно вскрикнула та.— Не забывайте, что вы обещали меня не выдавать и хранить как зеницу ока! Вы дали расписку! И в случае чего станете жертвой всех тридцати девяти наказующих заклинаний, включая заклинание моментальной старости и кошмарного уродства,— истерично напомнила она.

– Конечно, мы тебя не выдадим,— вкрадчиво начала Милана.— Но что, если тебе самой захочется укрыться в замке вампиров или оборотней...

– Скажи еще: в болоте русалок,— съязвила жека.

– Ну уж там-то тебя точно никто искать не станет,— не сдержался Оливье.

– Давайте-давайте, нападайте на бедную беззащитную книжечку,— часто-часто заморгала ресницами жека, и из ее кошачьего глаза скатилась крупная крокодилья слеза.

– Ну что ты, маленькая, никто тебя в обиду не даст! – рас-

чувствовалась Глаша.

– Конечно, не даст,— шмыгнула ноздрями та,— как же тут дать, когда на тебя сразу тридцать девять наказующих заклинаний обрушится. Одним махом!

– Да поняли мы, поняли,— кашлянула Милана.

– Вот и не забывайте, вы расписку дали! – для верности повторила жека и вытерла нос кулачком.

– Да помним мы, помним,— встрял Оливье.— Так как насчет того, чтобы мы обменяли тебя на амулет у правителей земных кланов? В тебе наверняка содержится масса ценных сведений, и они не откажутся тебя приютить. Да и тебе спокойней, королю они неподвластны, так что у них ты будешь в полной безопасности.

– С ума сошли! – переполошилась книга.— Каждый из кланов и без меня обладает важнейшими магическими знаниями и умениями, а если к ним прибавить мое содержимое, он может стать сильнейшим из родов и неуязвимым к тому же. Начнутся войны! Убийства! Междоусобная рознь! Голод! Чума! Конец света! Восстание живых мертвецов!

Тетушка и ее племянник воззрились на жеку с плохо скрываемым ужасом.

– Да ты просто оживший ящик Пандоры,— присвистнула Гликерия.

– Кошмар,— выдохнула Милана.— И это средоточие всех зол больше сотни лет хранилось в моей семье!

– Вы чего? – оскорбилась книженция.— Я же просто хра-

нительница, моя задача – защищать содержимое от посторонних глаз. Да я страницами лягу, а истинного содержимого злодеям не открою.

– Так уж прям и ляжешь? – недоверчиво покосился на нее Оливье.

– Лягу, – серьезно подтвердила жека. – На мне знаешь сколько охранных заклинаний? Если меня принуждать будут содержимое открыть, так заклятие самоуничтожения сработает. Так что берегите меня, одна я свободная живая книга осталась, – жалостливо шмыгнула носом она.

– А что-нибудь безобидное в тебе есть? Что никому зла принести не сможет? – не теряя надежды, спросила Глаша.

– Так это как поглядеть. Что одному безобидное, то другому – смерть. Что одним зло, остальным – благо, – философски заявила книга.

– Не увиливай, – укорила девушка.

– Ладно, – не стала вредничать жека, – есть во мне несколько заклинаний, за которые многие люди душу готовы отдать.

– А нелюди? – оживился Оливье.

– Смотря какие нелюди, бывают и такие нелюди, что лучше людей, – афористично заметила книжка.

– Что за заклинания-то? – нетерпеливо воскликнула Глаша.

– Например, заклинание абсолютной удачи и заклинание каждодневной удачи, – доверительно сообщила книга.

– А в чем разница? – хором поинтересовались все трое.

– Разница в том,– поучительно ответила жека,– что удача абсолютная действует ровно одни сутки, но за эти сутки все будет складываться так, как человек пожелает. Несчастный влюбленный может добиться взаимности, полководец – одержать победу, даже если армия противника в сотню раз превосходит его собственную, бедняк – сказочно разбогатеть и так далее.

– А что будет на следующий день, когда заклинание утратит свою силу? – с любопытством поинтересовалась Глаша. – Возлюбленная отвернется, армия противника одержит реванш, золото превратится в черепки?

– Это уже только от самого человека зависит. Конечно, за один день все приобретенное не испарится, но если не прилагать усилий для его удержания, то и невеста сможет сбежать накануне свадьбы, и противник соберется с силами и продолжит приступ, и богатство можно промотать до последней монетки.

– С этим ясно... А как насчет каждодневной удачи? – напомнил Оливье.

– Каждодневная удача будет сопутствовать человеку всю жизнь, но в мелочах. Чудес от нее ждать не стоит, но жизнь она облегчит здорово. Ну знаете там – оказался в нужном месте в нужное время или, наоборот, опоздал куда-то и избежал верной гибели или травмы, выиграл в лотерею, нашел клад...

– Вот бы на это заклинание взглянуть... одним глазком,–

размечталась Глаша, озвучив мысли Оливье и Миланы.

– Щас! Как же! Так и сказала! Спешу и падаю! – рассердилась книжка. – Такие подарки заслужить надо, и не я расправляюсь, кому их выдавать.

– А кто? – хором полюбопытствовали все трое.

– Вестимо кто, – загадочно ответила жека и замолчала.

– Ну ладно, извини, – миролюбиво заметила Глаша. – Просто получается, даже если кто-то из правителей кланов и заинтересуется каким заклинанием, которое в тебе содержится, то мы его обменять не сможем, потому что кто-то неизвестный может этому воспротивиться.

– Выходит, что так, – пробурчала книга.

– А как это узнать наверняка? – уточнила Гликерия.

– Узнать наверняка можно только в каждом конкретном случае, соизмерив все возможные опасности, побочные эффекты, нежелательные последствия и реальную пользу, – заученно оттарабанила жека.

– Что же делать? – расстроилась девушка.

– Что делать, что делать, – пробурчала книжка. – Запрягать коней да ехать. И я с вами отправлюсь.

– Ты? – недоверчиво спросили Глаша и Оливье.

– А, ну да, ты же книга вольная, давно на звезды не глядела, под луной не гуляла, – иронически заметила Милана.

– Так и скажи, хозяйка, что не хочешь со мной расставаться, душой прикипела, – шаловливо подмигнула жека.

– Я?! – поразилась тетя.

– Ну не я же! Я такие нежности испытывать не в состоянии. Одна здравая логика и трезвый расчет,— призналась книжка.

– А правда, чего это ты с нами засобиралась? — прищурился Оливье.

– Хозяйка правильно говорит: засиделась в библиотеке, подышать свежим воздухом хочу,— хихикнула хранительница бесценных знаний и дурашливым голосом прогундосила: — Возьмите, я вам еще пригожусь.

– Возьмем, куда деваться,— вздохнул маркиз.

– Оливье! — ахнула Милана.— Ты с ума сошел! А если король узнает? В темницу же попадете. Оба!

– Что я, больная, что ли, чтобы себя выдавать? — обиженно возразила жека.— Главное, чтобы эти простофили не проболтались.

– А кто сегодня взвыл дурным голосом, когда ее не в ту страницу пальцем ткнули? — ехидно поинтересовалась те-тушка.

– Виновата, исправлюсь,— буркнула книжка.— Уже исправляюсь — вон на подмогу спешу!

– Не волнуйся, тетя,— подал голос Оливье.— Опасность не так велика, а помощь такой ученой книги нам не помешает.

Жека польщенно приосанилась, уперев звериную лапку в корешок.

– Ну что, поехали, что ли, помощница? — улыбнулась Глаша, собираясь взять книгу в руки.

– Эй, постой! – строго заметила та. – Руки мыла? Покажи!

Ты что же это, меня голыми руками нести собираешься?

– А что, надо варежки надевать? – изумилась Гликерия.

– Вот балда, лето же на дворе! – просветила неразумную жека и пояснила: – Ты где меня везти собираешься?

– Рядом с собой, на скамеечке в карете. Будем болтать с тобой по дороге, а то одной так скучно, – размечталась девушка.

– Боюсь, в карете не получится, – виновато улыбнулся Оливье. – Резиденции правителей в таких местах находятся, что на карете туда не добраться.

– А на чем? – расширила глаза Глаша, тут же представив полет на метле или на драконе.

– На лошадках, разумеется, – отрезала жека. – Ты что, с луны свалилась?

– Хуже, – похолодела Глаша. – На каких лошадках? Я же ездить не умею!

– Совсем? – уточнила Милана.

– Плохо дело, – резюмировал Оливье.

– Плохо, – со скорбным видом признала ученая книжица и лукаво улыбнулась. – Но исправимо! Есть у меня одно заклинание, которое любым умением позволяет овладеть в считанные мгновения.

– И что же мы медлим? – радостно воскликнул маркиз.

– Ей надо посоветоваться с шефом, – уныло напомнила Глаша.

– Не надо мне ни с кем советоваться. Тут случай важной жизненной необходимости и исключительно в благих целях.— Жека прикрыла глаза, словно прислушиваясь к своему содержимому, запустила лапку за обложку и принялась перебирать странички.— Вот оно! — Она распахнула обложку и ткнула лапкой в нужный текст.— Пусть хозяйка прочитает, вставив имя Глаши, где это необходимо.

– Так просто? — поразилась девушка.— Не нужно ни специального зелья, ни порошка, ни волшебной палочки?

– Тебе что нужно: палочку или результат? — строго спросила жека.

– Результат,— прошептала Гликерия, ошеломленная вольной цитатой из «Ночного дозора» из уст средневековой книги.

– Тогда стой и помалкивай! — велела жека и сделала Милане знак начинать.

* * *

Арина Нарышкина была классической неудачницей. В свои двадцать шесть лет она не могла похвастаться ни кругом преданных друзей, ни устроенной личной жизнью, ни стремительно несущейся в гору карьерой. Арина была одинока, нелюдима и работала кассиром в «Макдоналдсе» уже на протяжении пяти лет. Все это отнюдь не способствовало цвету лица и улучшению характера Нарышкиной. Настя

описала Арину бледной и хмурой особой, злой на весь мир, подозрительной, завистливой, грубой и раздражительной.

— И с какой стати ею заинтересовалась коллегия? — удивилась Лариса.— Опять провидцы чего-нибудь отчебучили?

— Да нет, все до банального просто. Главу нашей коллегии как-то занесло в «Макдоналдс», где Нарышкина нахамила ему по полной программе.

— И ее не выгнали? — удивилась волшебница, вспомнив политику заведения: «Вежливость к каждому клиенту и улыбка в подарок».

— Нет, конечно. Нахамила-то она ему мысленно, а внешне улыбалась и была сама вежливость. Но ты же знаешь, наш Жаров настоящий рентген, все мысли человека насквозь видит. В общем, чувствительный наш аж пошатнулся от того негатива, который от Нарышкиной исходил, и пожалел ее, стерву эту,— с чувством выругалась Настасья.— Мол, бедная она, несчастная, жизнью обиженная, и решил превратить ее жизнь в мед с шоколадом, чтобы злая мегера стала доброй Белоснежкой. Естественно, сам он Нарышкиной заниматься не стал, поручил нижестоящим органам...

Лариса слушала рассказ Настасьи и все больше поражалась.

Первым, кто попытался улучшить жизнь двадцатишестилетней сотрудницы «Макдоналдса» и потерпел сокрушительный крах, стал Олег, маг из отдела кармы. Студенты называли таких специалистов «мозгоправами». Их задача

заклучалась в том, чтобы изменить отношение человека к жизни, помочь справиться с основными психологическими проблемами, избавиться от комплексов и наладить отношения с другими людьми. Олег устроился в «Макдоналдс», чтобы подружиться с Ариной и получить возможность ненавязчиво влиять на нее и направлять по верному пути. В первый же день, когда он попытался завязать знакомство, Нарышкина ему решительно заявила, что никаких шансов завоевать ее сердце у него нет, и популярно объяснила, почему он лох, каких свет не видывал...

– И почему? – заинтересовалась Лариса.

– Потому что только лохи могут работать в «Макдоналдсе»! – закатила глаза Настасья.

– А сама Арина? – развеселилась Лара.

– А сама Арина рассматривает продажу биг-маков и жареной картошки как шанс встретить по ту стороны кассы олигарха, который будет очарован ее кротостью и красотой и увезет ее из постылой забегаловки прямиком на Мальдивские острова, где под звуки тамтамов их обвенчают по местным обычаям на закате солнца прямо на берегу моря, – саркастически процитировала Настя.

– Ты это серьезно? – аж закашлялась Лариса.

– Я тебе точь-в-точь повторяю слова Олега.

– Чем дальше узнаю про эту Нарышкину, тем больше ей поражаюсь. Отличное место выбрала для ловли олигарха. И что, многие уже пали жертвой ее чар?

– Я так полагаю, это вопрос риторический? Можно продолжать?

– Продолжай.

– Олег возразил, что Арина интересуется его исключительно в дружеских целях, на что Нарышкина безапелляционно объявила, что дружбы между мужчиной и привлекательной женщиной быть не может. Тогда Олег не придумал ничего другого, как сказать ей, что он гей. Ну ты же знаешь, некоторые девушки считают, что друг-гей – это так здорово...

– А он гей? – широко раскрыла глаза Лариса.

– Да не гей он, – рассердилась Настя. – Дашь ты мне сказать или нет?

– Ну так говори же скорей, не томи! – поторопила ее подруга. – Как отреагировала наша Ариша на столь смелое признание?

– Обозвала Олега извращенцем и предупредила, чтобы он к ней не приближался.

– А потом?

– Больше Олег в кафе не появлялся. Он еще сделал несколько попыток на нее повлиять: бросал ей в почтовый ящик листовки с рекламой бесплатных психологических тренингов, пытался раскрутить ее на разговоры по телефону, делал вид, что ошибся номером, но все без толку. Арина искренне полагает, что она само совершенство, а жизнь к ней несправедлива, и не желает в себе ничего менять.

– Это тебе все Олег рассказывал?

– А то кто же? Это же он мне эстафету передавал. Когда понял, что раскрутить Нарышкину – дохлый номер, заявил руководству, что Арину может исправить только любовь и, пока у нее в личной жизни полный штиль, ничего ей не может.

– Значит, ты была второй?

– Да, второй жертвой Нарышкиной стала я. Я работала с ней три недели, пыталась подружиться. Чтобы не вызывать сомнений, даже сняла комнату в ее подъезде. Отдельных квартир не было, поэтому мне пришлось двадцать дней жить бок о бок с вредной бабкой, которая рылась в моих вещах, отчитывала меня по каждому поводу и после девяти вечера закрывала дверь на цепочку, так что однажды мне даже пришлось спать на скамейке у подъезда.– Голос Насти зазвенел от обиды.– Представляешь, я была вынуждена терпеть все ее закидоны, чтобы быть ближе к этой Нарышкиной! Она даже считала меня наркоманкой, проституткой и сектанткой!

– Кто, Нарышкина?

– Бабка!

– А почему?

– Наркоманкой, потому что я один раз зажгла аромалампу, проституткой, потому что однажды меня подвез до дому один коллега на иномарке, а сектанткой, потому что нашла у меня «Вестник коллегии магов», где на обложке изображена Маргарита,– хихикнула Настасья.

– И стоили они того, твои мучения? – посочувствовала Лара.

– Если бы! – с досадой воскликнула Настя. – Нарышкина меня даже на порог к себе не пустила, и в подъезде, когда ее встречала, даже разговор с ней завязать не удалось.

– А зачем тебе с ней дружить было? – не поняла Лариса. – Твое дело – ей жениха хорошего найти.

– Да ты думаешь, к ней бы кто подошел по доброй воле? Хотела с ней сблизиться, по-дружески посоветовать где-то внешность изменить, в салон красоты отвести, в чем-то убедить поведение свое пересмотреть, намекнуть, как с мужчинами себя надо вести, а там уже и о женихах можно думать. Но не получилось ничего, пришлось мне тогда издалека действовать. Я уж и программу «Снимите это немедленно» на нее насылала, ее ведущие – мои хорошие знакомые, не раз мне уже помогали самые безнадежные случаи вытянуть. Нарышкина их даже слушать не стала, а когда они на нее надавили и стали критиковать ее внешний вид, послала их прямым текстом. Потом я ей звонила, представляясь радиоведущей, говорила, что ее номер телефона выигрышный и ей достался сертификат на посещение салона красоты... Она трубку бросила... Представляешь? Уж халява-то – безотказный способ, который на всех действует, и тут такой прокол! И с местной парикмахерской договорилась: мы объявления по всему дому расклеили, что именинникам в день рождения стрижка и укладка бесплатно. Неделю перед днем рож-

дения Нарышкиной это объявление висело, десять человек, включая пять бабок-пенсионеров, которые последний раз у парикмахера были при царе Горохе, за это время на стрижку сбегали, а Нарышкина не пришла! Чего я только ни делала – все тщетно. Она шарахается ото всех, как от огня. Завязать с ней контакт невозможно. Я признала свое поражение и сдала дела.

– И кто был третьим?

– Я посоветовала привлечь има.

– Има? – удивленно переспросила Лариса.

– Идеального мужчину, – пояснила Настасья. – Из нашего отдела.

– Так «неутомимые жеребцы» – тоже не сказка? – разве-селилась волшебница. – Кому рассказать – не поверят. Ладно-ладно, молчу. Помню, что это секретная информация и разглашению не подлежит.

– Так вот, – продолжила ее подруга. – Ни один из обычных мужчин с Нарышкиной знакомиться не пожелал, несмотря на все мои усилия, и я подумала, что надо к ней послать кого-то из наших. Пусть за ней красиво поухаживает, Арина растает, подпадет под его влияние, поменяется в лучшую сторону, а там уже и остальные мужчины к ней потянутся.

– И как, получилось?

– Ты не знаешь Нарышкину, – хмуро ответила Настасья. – Для нее выбрали самого красивого и терпеливого из всех сотрудников.

– Ну и? – нетерпеливо спросила Лариса.

– Ну и – он с ней в метро познакомиться пытался. Я специально посмотреть пришла. Видела бы ты эту сцену – любая девушка на ее месте бы растаяла, а эта – ни в какую. Нахамила ему и из вагона выскочила.

– Ну да, учитывая ее мечты об олигархе, вряд ли она польстится на ту шпану, которая в метро ездит, – ухмыльнулась Лариса.

– Да Илья выглядит как принц Уильям! – оскорбилась за коллегу Настя. – У него даже прабабка настоящая графиня была! Но с метро мы тогда – да, сплеховали...

– Мы? – переспросила волшебница.

– Ну он со мной советовался в плане действий, – пояснила любовная фея. – Все-таки я за три недели эту Нарышкину как облупленную изучила.

– И каким же был ваш следующий шаг? – поторопила ее Лариса, сгорая от любопытства.

– Илья выбрал дождливый день и подъехал на своей иномарке к остановке, где Нарышкина ждала автобус в окружении пенсионеров, – доложила Настасья.

– Надеюсь, это был лимузин, за рулем сидел шофер в фуражке, а у принца на белом костюме был значок со словами «Крутой олигарх»? – съехидничала Лариса.

Ей даже завидно стало, что какой-то там дурацкой Нарышкиной создают все условия для романтики. Да каждая одинокая девушка, спускаясь в метро, с надеждой вглядыва-

ется в лица пассажиров-мужчин и мечтает о том, чтобы какой-нибудь привлекательный незнакомец обратил бы на нее внимание. А уж чтобы принц явился во время дождя на сверкающей иномарке, заметил в промокшей девице на остановке свою принцессу на горошине и, усадив в теплый салон, домчал по лужам до дома и высадил у подъезда на зависть соседкам – это просто сказка!

Настя пропустила замечание Ларисы мимо ушей и продолжила:

– Она его узнала. Он отпираться не стал, напротив, сделал вид, что счастлив безмерно, провозгласил, что это судьба, и галантно предложил подвезти до дома.

– А она?

– Она ему гордо объявила, что к незнакомым мужчинам в машины не садится, чем вызвала бурное одобрение бабулек на остановке, и с подозрением поинтересовалась, уж не преследует ли он ее. Старушки еще больше оживились, взяли Арину в кружок, замахали клюшками и авоськами и пригрозили «супостату» вызвать милицию, если он не отстанет от «девочки», а одна особо дотошная бабулька даже номер машины записала и пообещала быть свидетельницей, если что.

– И что?

– Илья психанул и, чтоб Нарышкину проучить, предложил тех бабок по домам развезти.

– А они?

– Пошушукались сперва недоверчиво, а после того, как

одна доброволица в машину залезла, всем скопом ломанулись, так что на всех желающих места не хватило. Они там чуть не передрались, выясняя, у кого заслуг перед отечеством больше и кто больше достоин домой на «такси» ехать. В общем, набил он полную машину бабок – они на заднее сиденье впятером втиснуться умудрились, и уехал, а гордая Нарышкина осталась мокнуть под дождем и ждать свой трамвай, точнее, автобус.

– Представляю себе ее физиономию, – хихикнула Лариса. – А мне нравится твой Илья.

– И никакой он не мой, – поспешно возразила Настя и отчего-то покраснела.

– Ну а дальше что? Продолжил он штурмовать неприступную крепость?

– Продолжил, – криво усмехнулась Настасья. – И отправился в «Макдоналдс».

– Работать? – присвистнула Лариса.

– Гамбургеры трескать! Пришел незадолго до закрытия, сделал вид, что случайно ее нашел. Дождался после работы, цветы подарил, комплиментами сыпал, все упирал на то, что это судьба, чуть ли не на колени перед ней на глазах у всех падал.

Лариса в который раз позавидовала Нарышкиной. Да Илья осуществил практически все кинематографическо-романтические мечты одиноких девушек!

– А она?

– А эта железобетонная Отрыжкина его маньяком обозвала и милиции сдала! – выругалась Настасья.

– Да ты что! – поразилась ее подруга.– Это не девица, а киборг какой-то!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.